

ГЕРОИ НОВЫЕ СУПЕРГЕРОИ НОВЫЕ

ВЕРВОЛЬФ

Антон
Грановский

ИМПЕРСКИЙ
КРЕСТ

*Гитлер капут,
а что толку?*

Вервольф

АНТОН ГРАНОВСКИЙ
Имперский крест

«ЭКСМО»

2011

Грановский А.

Имперский крест / А. Грановский — «Эксмо»,
2011 — (Вервольф)

Эксперименты профессора Терехова с Машиной Времени продолжаются! На этот раз русский гений решает забросить своего преданного вервольфа Егора Волкова в ставку Гитлера. Оказавшись в теле очередного «носителя» – агента Абвера Георга Грофта, Егор не только соблазняет Еву Браун, но и решает покончить с самим фюрером. В параллельной реальности, возникшей в результате этого, мир превратился в мрачную Преисподнюю. Сменивший бесноватого фюрера Герман Геринг к 1943 году создал ядерную бомбу и уничтожил столицы союзников, а заодно с ними и большую часть человечества. Уцелевшие превращены в рабов «высшей расы». Сумеет ли Егор, вернувшись в прошлое, исправить роковую ошибку и спасти фюрера от... себя самого?

© Грановский А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	9
3	15
4	19
Глава 2	21
1	21
2	24
3	26
4	28
5	31
6	37
7	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Антон Грановский

Вервольф. Имперский крест

В романе использованы стихи и тексты песен групп «Уматурман», «Rammstein», «Ария», а также Наси Полевой. Все события в романе вымышлены, любое сходство с реальностью – случайно и непреднамеренно.

*А ночь, словно боль, темна,
Зверь здесь, и он ждет тебя.
Ты чувствуешь вкус охоты?
Зверь этот – я!*

Группа Ария «Зверь»

*Свободен путь для наших батальонов,
Свободен путь для штурмовых колонн!
Глядят на свастику с надеждой миллионы,
День тьму прорвет, даст хлеб и волю он!*

Хорст Вассель «Марш»

Глава 1

Секретный агент

1

Англия, тюрьма Оулд Бейли.

«Камера осужденных шпионов». 1939 год

Пленник, сидевший на стуле, крепкий, мускулистый мужчина с черными, некогда набриолиненными и гладко уложенными, а теперь растрепавшимися волосами, был абсолютно гол. Тело покрыто синяками и ссадинами, губы распухли от побоев, а левый глаз заплыл. Ноги стянуты веревкой, руки закинута за спину и сцеплены наручниками.

Помимо пленника в «камере шпионов» присутствовали еще два человека. Прямо перед ним стоял рослый, широкоплечий, уже начавший толстеть человек, одетый в серый халат и кожаный фартук. Он был рыжеволос и краснолиц, а рукава его халата были засучены, словно у мясника, приготовившегося к разделке мяса.

За спиной у краснолицего в неудобном дубовом кресле сидел представительный господин, одетый в элегантный серый костюм. В руках он держал черную лакированную трость с серебряным набалдашником в виде собачьей головы. На вид представителю господину было лет сорок пять, и виски его уже тронула седина. Звали этого человека майор Сайлус Фрейзер, и был он сотрудником английской военной разведки, вернее сказать – ее спецотдела, занимающегося контрразведкой.

Рыжеволосый тоже был офицером, но служил он в Особом отделе Скотленд-Ярда, который напрямую подчинялся управлению военной контрразведки.

– Хватит, лейтенант Смит, – сказал майор Фрейзер рыжеволосому верзиле. – Дайте ему передохнуть.

Верзила кивнул и отошел в сторону, предоставляя майору возможность насладиться зрелищем обнаженного, избитого мужчины.

– Итак... вы – член группы «призраков», посланной в Лондон с целью убийства Первого Лорда Адмиралтейства сэра Черчилля. Я прав?

Пленник посмотрел на майора мутными глазами и проговорил негромким, но разборчивым голосом:

– Нет, не правы.

– Мы также знаем ваше настоящее имя, – продолжил майор. – Вы – немецкий шпион, обер-лейтенант Георг Грофт. Подготовку вы проходили в альтонской нацистской шпионской школе близ Гамбурга. Признайте свое поражение, обер-лейтенант. Это сделает вам честь.

Пленник хотел было усмехнуться, но поморщился от боли в распухших губах и сказал все тем же хриплым, но отчетливым, несмотря на разбитый рот, голосом:

– Трудно настаивать на победе, сидя голышом на холодном стуле. И все же я повторяю вам, мистер: все это какая-то чудовищная ошибка. Я коммерсант-ювелир. Приехал сюда по своим личным делам из Марселя. Вы просто меня с кем-то спутали.

Майор Фрейзер прищурил холодные глаза.

– Немецкие школы по подготовке шпионов воспитывают в своих людях храбрость и презрение к боли, не так ли? Я знаю всю вашу историю, Грофт. Чтобы сойти за французского коммерсанта, вы в совершенстве выучили французский язык и даже научились подражать марсельскому диалекту. Фашистские ювелиры посвятили вас в тайны своего ремесла, обучив всему, что относится к драгоценным металлам и камням, включая жаргон и традиции ювелиров. Как только вы усвоили все это, Абвер снабдил вас документами, фальшивыми деловыми письмами, преysкурантами, а также образцами модных драгоценностей, доставленных парижской оптовой фирмой. Но вы прокололись, Грофт. Имейте мужество это признать.

– Не понимаю, о чем вы, – упрямо проговорил пленник. – Я ювелир. Приехал в Лондон из Марселя...

Майор поморщился и дал знак «особисту» Смит. Тот кивнул и снова встал перед пленником.

– Продолжим, – сказал он. – Назови нам имена своих помощников, Грофт.

Голый мужчина на стуле молчал.

– Рано или поздно ты все расскажешь, – заявил лейтенант. – И лучше сделать это до того, как я переломлю тебе все кости.

Пленник не произнес в ответ ни слова. Он смотрел на Смита угрюмым, тяжелым взглядом, в котором лейтенанту почудилась насмешка.

– Что ж, ты сам напросился.

Смит принялся за работу. Удары сыпались на пленника один за другим, но он молчал. Через минуту лицо его было разбито, нос сломан.

Не лучше выглядел и сам лейтенант Смит. Кожаный фартук его был забрызган кровью, кровь была и на рукавах рубашки, и даже на рыжих бровях верзилы, прямо над холодными, глубоко упрятыми под надбровные дуги глазами.

Утомившись, Смит повернулся к майору Фрейзеру и виновато пробасил:

– Молчит. И это после двух часов допроса «с пристрастием». Не знаю, стоит ли продолжать?

– В каком смысле? – нахмурился, дымя сигаретой, Фрейзер.

– Боюсь, он не выдержит. Сердце остановится.

Майор прищурил ледяные глаза:

– Сердце не выдержит?... Такое ощущение, что вы говорите о престарелом преподавателе этики и морали, а не об убийце, против которого все наши меры воздействия оказались бессильны.

Фрейзер задумался. Рыжеволосый Смит подождал немного, затем кашлянул в кулак:

– Осмелюсь посоветовать, сэр...

Контрразведчик вышел из задумчивости. Глянул на своего подчиненного и рассеянно переспросил:

– Что?

Смит смущенно улыбнулся, как делал всегда, когда брал на себя смелость обращаться с советами к старшим по званию.

– Сэр, что если мы опробуем на нем препарат доктора Олдфорда?

– Препарат Олдфорда?

Майор усмехнулся, отчего сухое лицо его стало еще холоднее.

– А что... можно попробовать. Правда, доктор говорил, что «микстура» еще не совсем готова, и сетовал на огромное количество побочных эффектов...

Несколько секунд Фрейзер раздумывал, затем протянул руку и снял трубку с черного бакелитового телефона.

– Два-четыре-двадцать-сорок два, – проговорил он в трубку. Подождал немного, а затем заговорил снова: – Фрейзер. Свяжите меня с доктором Олдфордом.

И снова пауза на несколько секунд. А вслед за тем:

– Доктор, это майор Фрейзер... Да, и вам того же. Слушайте, я насчет вашего чудодейственного препарата, который «способен развязать язык даже немому»... Да, вы говорили. Но мне кажется, пришло время попробовать препарат в деле... – Несколько секунд майор слушал, потом нахмурился и процедил: – Излишне об этом напоминать, доктор... Да, я все понимаю. Но наша миссия обязывает нас проявлять твердость и решительность во всех без исключения вопросах, касающихся расследования. Или вы не согласны?... Это другое дело. Я жду вас у себя – и как можно скорее.

Майор Фрейзер положил трубку и проговорил усталым голосом, в котором слегка проскальзывало презрение:

– Беда с этими штатскими. Лейтенант, отдохните немного. Доктор явится не раньше чем через пятнадцать минут.

Майор откинулся на спинку стула, положил трость себе на колени и закрыл глаза.

Фрейзер с ностальгией вспоминал свою молодость, когда он был простым оперативным работником. Ему приходилось убивать, и он не жалел об этом. Однажды во время перестрелки в Кельнском парке он убил шестнадцатилетнюю девушку. Было это в последние дни Мировой войны. Двумя годами позже он всадил пулю в живот старику, который оказался на линии огня, и ранил в плечо его внука. Старик умер на месте, а восьмилетний мальчишка скончался через несколько дней от гангрены в больнице Св. Фомы.

Майор Фрейзер совершил в жизни много зла, но зло это было непреднамеренное, и майор ни о чем не жалел. Будучи простым оперативником, он жил полнокровной жизнью, которая будоражила его, держала в тонусе, делала счастливым. А нынешняя работа вызвала у него тоску и отвращение.

Черт бы побрал этих идиотов из МИ-5. Секретная служба загребала угли руками парней из военной контрразведки и «особистов» из Скотленд-Ярда, а все заслуги приписывала себе.

За последние полгода это был одиннадцатый допрос в тюрьме Оулд Бейли, на котором майор присутствовал. Нравы здесь были жесткие. Сотрудник Особого отдела и тюремщики сутки напролет охраняли каждого шпиона, находясь с ним в камере и не оставляя его одного ни на минуту. Заключенного раздевали догола, тщательно обыскивали его одежду, осматривали тело, волосы и зубы. Шпионы отлично умели прятать трудно запоминающиеся инструкции, чертежи и записи. В этом искусстве им не было равных.

Документы прятали в зубных пломбах, в искусственных зубах и глазах, в пустых каблучках, в подкладках одежды.

На прошлой неделе майор допрашивал невесту одного важного чина из правительства, уличенную в сотрудничестве с немцами. Она хранила внутри пустой жемчужины крошечный

кусочек бумаги, сложенный до размера булавочной головки. А жемчужину за минуту до ареста умудрилась засунуть туда, куда подобало заглядывать только ее любовникам и ее гинекологу.

Впрочем, лейтенант Смит извлек эту жемчужину без особого труда, даже не будучи гинекологом. И все это, несмотря на отчаянные крики и слезы женщины, просившей не позорить ее перед женихом (жених присутствовал тут же).

Поганая работа... Но кто-то же должен ею заниматься.

Большинство немецких шпионов (а их, усилиями Абвера и лично адмирала Канариса, в последнее время развелось, будто карасей в пруду) начинали говорить на второй или третий день. Причем пытаться их не приходилось. Страх делал пойманных шпионов лояльными. Их языки развязывались от одной лишь угрозы пыток.

Но изредка попадались крепкие орешки, вроде того, который сидел сейчас на стуле, истекая кровью. Майор Фрейзер знал об обер-лейтенанте Грофте довольно много. Это был не простой шпион, а штатный киллер из особого подразделения Абвера. На руках у него была кровь двух британских генералов.

Впрочем, майор не был уверен в том, что сидевший перед ним человек – это действительно неуловимый Георг Грофт. Слишком много крови попортил он контрразведчикам, слишком был ловок и слишком неуловимым считался.

2

Осторожный голос Смита вывел его из дремы:

– Сэр! Сэр, проснитесь!

Майор открыл глаза и увидел рядом с «особистом» доктора Оллдфорда:

– А, доктор. Явились, наконец.

– Я вышел сразу же после вашего звонка, сэр.

– Да. Отлично. Приступайте к работе.

Доктор, невысокий, лысоватый, плюгавый человечек в клетчатом твидовом пиджачке и круглых очечках, поставил на стол кожаный саквояж, открыл его и достал металлический бикс. В биксе, в специальных углублениях, лежали шприц и флакон с каким-то желтоватым раствором.

– Сэр, я называю этот препарат «микстурой правды», – доложил доктор Оллдфорд, достав шприц и флакон.

– Из чего он состоит? – поинтересовался майор.

– Из многих компонентов. В основе – скополамин, амитал и морфин.

– Отличный коктейль, – невесело усмехнулся Фрейзер. – Особенно морфин. Может, и мне вколете пару кубиков, доктор?

Оллдфорд улыбнулся и вежливо проговорил:

– Не советую, сэр. Препарат заставит вас выболтать все личные секреты. Не говоря уже про побочные эффекты, от которых, по правде говоря, меня бросает в дрожь. Можно начинать?

Доктор кивнул и повернулся к пленнику.

– Подержите его за плечи, – попросил он лейтенанта Смита.

Рыжий верзила кивнул, обошел стул и стиснул голые плечи Грофта своими огромными красными ручищами.

Доктор склонился над левой рукой пленника и вонзил иглу ему в вену.

Майор Фрезер закурил сигарету, нервно и хмуро поглядывая на доктора. Майору не терпелось поскорее закончить дело и отправиться в свою квартиру. Там он мог растопить камин, налить себе бокал коньяка, усесться с ним в мягкое кресло и с наслаждением вытянуть ноги к камину.

Наконец, Оллдфорд выпрямился и положил шприц в свой докторский чемоданчик. Майор оживился.

– Когда начнется действие препарата? – уточнил он.

– Минут через пять, – ответил доктор, поблескивая стеклами очков.

– И сколько оно продлится?

– Думаю, минут сорок или около того.

Майор прищурился:

– А потом?

– Потом... Потом, вероятней всего, мы его потеряем. Я уже описывал вам...

– Да-да, помню, – отмахнулся Фрейзер. – Судороги, пережатие сосудов, остановка сердца... Все это не будет иметь никакого значения, если он скажет нам то, чего мы от него ожидаем.

– А если нет?

– Плохо, но мы это переживем.

– Рискну предположить, что ваш пленник в любом случае не доживет до утра. – Доктор покосился на рыжего лейтенанта и тихо добавил: – Смит здорово над ним потрудился.

– Лейтенант делал только то, что я ему приказывал, – холодно отчеканил Фрейзер. Он затянулся сигаретой, потом махнул рукой, отгоняя дым от лица, и вытер пальцем слезящийся глаз. – Когда мы можем приступить к допросу?

Оллдфорд глянул на часы и ответил:

– Прямо сейчас.

Доктор достал из саквояжа флакончик с нашатырным спиртом и привел заключенного в чувство. Тот вскинул голову и посмотрел на Оллдфорда мутным взглядом. А потом вдруг напрягся, лицо его побагровело, на лбу и шее вздулись канатики жил. Несколько секунд он сидел неподвижно, а потом голова его снова упала на грудь.

– Ну? Что? – нетерпеливо спросил Фрейзер.

Доктор Оллдфорд пощупал запястье заключенного, затем поправил пальцем золотые очки и, наморщив лоб, ответил:

– Думаю, доза оказалась слишком большой.

– Дьявол! – выругался майор.

Но в этот момент заключенный медленно поднял голову и устремил на майора мутный взгляд.

– Что... – хрипло проговорил он. – Что происходит?

– Кто вы? – резко спросил майор Фрейзер. – Назовите себя?

– Я... – Заключенный сглотнул слюну, а потом вдруг усмехнулся и выдохнул: – Я вервольф.

– Вервольф?

Майор покосился на доктора. Тот растерянно пожал плечами и тихо проговорил:

– Сэр, я предупреждал, у препарата есть побочные действия.

– Ваша «микстура правды» помутила ему разум?

Оллдфорд качнул головой:

– Не уверен. Спросите его еще о чем-нибудь.

Майор снова устремил взгляд на избитого пленника и спросил, повысив голос:

– Почему вы называете себя вервольфом, Грофт?

– В Элькарском лесу на меня напал волк-оборотень, – последовал ответ. – Он укусил меня. С тех пор я тот, кто я есть.

– Гм... – Фрейзер пристально посмотрел на доктора (тот сжался под его взглядом), затем стряхнул с сигареты пепел, перевел взгляд на лейтенанта Смита и подмигнул ему, как бы приглашая вместе посмеяться над розыгрышем. Смит вяло улыбнулся в ответ.

– Значит, дело было в лесу, – с сухой улыбкой произнес майор. – Что это за лес, и как вас туда занесло, Грофт?

– Машина времени, созданная профессором Тереховым, перенесла меня в шестнадцатый век, – ответил, слегка прищепывая распухшими от побоев губами, пленник. – Примерно неделю я прожил в общине пастора Нейреттера, расположенной близ Элькарского леса.

Фрейзер снова насмешливо покосился на доктора. Тот стоял с растерянным лицом.

– Это становится интересным, – проговорил майор. – И какова цель ваших путешествий во времени, обер-лейтенант?

– Я должен собрать предметы, разбросанные по разным эпохам, – спокойно, без тени издевательства или усмешки, ответил Грофт.

– Для чего? – поинтересовался майор.

– В тысяча девятьсот восемьдесят пятом году физик Александр Терехов проводил важный эксперимент, в результате которого исчез вместе с передвижной лабораторией. Лаборатория через две минуты вернулась в нашу реальность, но Александра Терехова там не было. Вместе с ним исчезло несколько предметов. Гравитационная буря разбросала их по разным

временам и эпохам. Брат пропавшего физика, профессор Борис Терехов, долгие годы пытался найти способ вернуть Александра. И в конце концов он нашел этот способ.

– С помощью пропавших предметов? – догадался майор.

Заклоченный кивнул:

– Да. Прохождение сквозь время наделило эти предметы необычными свойствами. Чтобы вернуть их, профессор Терехов построил Машину времени.

Майор Фрейзер затянулся сигаретой и с силой ввинтил окурок в пепельницу. Затем повернулся к Оллдфорду и сказал:

– Доктор, а ваша «микстура правды» и впрямь работает.

Оллдфорд поправил пальцем очки и рассеянно пробормотал:

– Сэр, я в замешательстве. Судя по тембру голоса, пульсу, потоотделению и мимическим признакам, пациент верит в то, что говорит. Однако я вынужден констатировать, что мой препарат повлиял совсем не на те мозговые центры, на какие я рассчитывал.

– В том смысле, что вместо правды он сыплет отборной, я бы даже сказал – изысканной ложью?

– Сэр, я не...

Майор остановил доктора жестом и повернулся к рыжему «особисту»:

– Смит, у вас есть виски? Только не юлите.

Лейтенант, слегка покраснев, вынул из кармана брюк плоскую алюминиевую фляжку и протянул ее майору Фрейзеру. Тот взял фляжку, свинтил крышку и, запрокинув голову, отхлебнул. Поморщился, закрыл фляжку, после чего вернул ее рыжему «особисту»-палачу.

– Благодарю вас, Смит. – Майор промокнул губы шелковым платком. – Раз уж мы устроили из допроса балаган, то давайте и сами будем вести себя соответственно.

– Сэр, – снова пролепетал доктор, – я не...

Майор холодно посмотрел ему в глаза, и доктор замолчал.

– Грофт... или как вас там... На каком принципе основана работа Машины времени?

– Принцип прост, – ответил пленник. – Тело человека помещают в ванну, наполненную маслянистой жидкостью, а к голове крепят датчики. Как только Машина начинает работать, сознание человека, лежащего в ванне, перемещается в прошлое.

– Значит, по времени путешествует не сам человек, а его сознание?

– Да.

– Хороший способ, – иронично одобрил майор. – Но в чем теле закрепляется это сознание?

– В теле «носителя».

– «Носителем» может быть любой человек?

Грофт покачал головой:

– Нет. Только предок или потомок путешественника. Сознание путешественника скользит по «шкале генетической памяти».

– Генетическая память... Так-так... – Фрейзер побарабанил пальцами по столу. – Что ж, в вашем рассказе есть определенная логика. А теперь расскажите нам, за какими предметами вы охотитесь, путешествуя по эпохам, и какими необыкновенными свойствами они обладают?

Заклоченный сплюнул на пол сгусток крови, поднял на майора затуманенный взгляд и сказал:

– Я могу рассказать лишь о тех предметах, которые удалось найти и вернуть.

– Пожалуйста, я слушаю вас.

– Первый предмет – очки. После того как профессор Терехов вернул их, они стали «мета-окулярами». Сквозь них виден истинный облик людей.

– И каков этот облик?

– Разный. Мы все принадлежим к разным биологическим видам. У всех нас разные предки, но в ходе эволюции мы научились мимикрировать – изображать своей внешностью некий «общечеловеческий облик». Но наша человеческая внешность – не более чем рисунок на крыльях бабочки.

Майор прищурил холодные глаза и проговорил:

– Вот оно как. Что ж, я давно это подозревал. Стало быть, сквозь стекла «метаокуляров» можно увидеть, как на самом деле выглядит тот или иной человек?

Заключенный кивнул:

– Да.

– Жуткая штука, – резюмировал Фрейзер. – Продолжайте, обер-лейтенант.

– Второй предмет – курительная трубка, – зашепелявил пленник. – Обычная трубка с костяной чашей в виде головы дьявола. За ней мне и пришлось отправиться в Средневековье. С помощью этой трубки профессор научился переправлять в прошлое и будущее материальные вещи.

– Отличное свойство, – снова одобрил майор. – Какие еще предметы вы вернули?

– Часы «Командирские», изготовленные на Чистопольском заводе. Я доставил их из две тысячи семьдесят второго года.

– И на что способны эти часы?

– Они... стирают фрагменты реальности. С их помощью можно корректировать историю.

– Умопомрачительно, – констатировал майор. – Это уже три предмета. Есть и еще?

– Вероятно, да. Но мне о них ничего не известно.

– Гм... Давайте-ка подытожим. Значит, вы – путешественник во времени. К нам вы прибыли из... Простите, из какого года вы к нам прибыли?

– Из две тысячи одиннадцатого, – тихо ответил заключенный Грофт.

– Отлично, – кивнул Фрейзер. – Ваш наставник, некий русский физик Борис Терехов, потерял брата при весьма странных обстоятельствах. Брат этот просто исчез, так?

– Так.

– А вместе с ним исчезли и его вещи. В результате неудачного эксперимента «вихрь времени» разбросал эти предметы по разным эпохам. И теперь Борис Терехов пытается собрать их, чтобы вернуть брата. А вы... вы что-то вроде наемного служащего, так?

– Так, – снова ответил пленник.

– Выходит, сотрудник Абвера Георг Грофт, в теле которого вы сейчас пребываете, – это всего лишь ваша «оболочка»?

– Он – мой носитель, – прошепелявил изувеченными губами заключенный.

– Так-так... Герберту Уэллсу и не снился подобный поворот событий. Итак, вы прибыли к нам за каким-то предметом. Что это за предмет?

Пленник наморщил лоб, несколько секунд молчал, потом ответил:

– Я не помню.

– Очень жаль, – насмешливо проговорил майор Фрейзер. – Я бы с радостью помог вам его отыскать. Впрочем, возможно, память к вам еще вернется, и тогда мы вместе отправимся на поиски таинственного предмета.

Рыжеволосый Смит, стоя в сторонке и слушая диалог майора и пленного шпиона, едва удерживался от смеха. Что касается доктора Оллдфорда, то он стоял ни жив ни мертв от стыда и растерянности. Но майор продолжал шуточный допрос Грофта, решив, по всей вероятности, вволю поиздеваться над доктором.

– В данной ситуации мне не совсем понятна история с оборотнем-вервольфом, – произнес он абсолютно серьезным голосом, глядя на заключенного своими холодными, спокойными глазами. – В чем проявляется эта ваша... особенность?

– Это особая форма болезни... Что-то «ретроградное»... – Заключенный наморщил лоб, пытаясь подыскать подходящие слова для объяснения, но вместо этого лишь пояснил: – Встречается крайне редко.

– Значит, это просто заразная болезнь?

– У большинства людей к ней иммунитет, – ответил заключенный. И добавил с горькой усмешкой: – Мне не повезло.

– Бедняга, – с утрированным участием произнес майор. – Хорошо, что оборотнем оказалась не свинья. Как там поется в песенке?...

Майор напряг память и фальшиво пропел:

Ваш Боссено – свинья большая.
Колбасы выйдут из него.
Да и ветчинка неплохая
Для бедняков на Рождество!

Смит прыснул от смеха, и даже доктор Оллдфорт не удержался от улыбки, но майор сверкнул на них глазами, и они снова придали своим лицам сосредоточенно-суровое выражение.

– Что прикажете делать дальше, сэр? – робко спросил доктор.

Фрейзер вздохнул.

– Кажется, у нашего бедного Грофта мозги съехали набекрень, – сказал он. – Смит, попробуйте поставить их на место.

– Слушаюсь, сэр.

Рыжеволосый «особист» шагнул к заключенному, размахнулся и ударил его кулаком по лицу. А потом еще раз. И еще. Голова пленника моталась из стороны в сторону, брызги крови окатили пол.

– Я приведу тебя в чувство! – рявкнул «особист».

Грофт молчал, угрюмо глядя на своего палача. Тогда майор поднялся со стула, подошел, прихрамывая к пленнику, поднял свою трость и, прищурившись, холодно проговорил:

– Хватит корчить идиота, Грофт. Препарат доктора на вас не подействовал, и нам придется вернуться к старым, проверенным методам. Назовите нам имя своего связного, обер-лейтенант.

Заключенный усмехнулся, нагнул голову и сплюнул кровь Фрейзеру на ботинки. Затем посмотрел майору в глаза и что-то сказал по-русски.

– Кажется, действие препарата закончилось, – неуверенно пробормотал доктор, поблескивая очками.

Майор, не произнося ни слова, размахнулся и ударил Грофта тростью по шее. Потом снова размахнулся и хлестнул пленника тростью по лицу. Грофт застонал, на щеке его появилась новая кровавая борозда.

Фрейзер опустил наконец свою жуткую трость. перевел дух и устало пробурчал, обращаясь к Оллдфорду:

– Отличную штуку вы изобрели, доктор. Она принесла нам неоценимую пользу.

– Признаться, я не ожидал, что первый опыт будет настолько провальным, – пробормотал Оллдфорд, не глядя майору в глаза. – Впрочем, препарат еще не доработан, и я вам об этом...

– Я постараюсь сделать так, чтобы он никогда не был доработан, – холодно отчеканил Фрейзер. – Что касается прочего, то еще одна подобная оплошность, доктор, и вы отправитесь лечить пациентов в сельскую больницу на севере Ирландии.

Оллдфорд слегка побледнел и тихо пролепетал:

– Виноват, сэр... Больше не повторится.

И тут вдруг с заключенным стали происходить странные вещи. Он задергался на своем стуле, захрипел, пот градом полился по его обнаженному, мускулистому телу, хотя сама кожа покрылась мурашками.

– Что с ним? – быстро спросил Фрейзер.

– Вероятно, побочные эффекты, о которых я вам говорил, – отозвался доктор.

И тут все тело Грофта заходило ходуном, да так сильно, что под ним заскрипел стул. Глаза пленника выкатились из орбит, серые радужки пожелтели, а мускулы вздулись так сильно, что ремни врезались в его руки и ноги.

– Да что же, дьявол подери, с ним происходит?! – рявкнул майор, невольно отступая.

– Судороги, – хрипло пробормотал доктор.

Оллдфорд шагнул было к заключенному, намереваясь пощупать его пульс, но тут кости немецкого агента затрещали, а под кожей волнами заходили мускулы, похожие на канатные узлы.

– Ужасное зрелище, – проговорил Фрейзер, пятясь к столу. – Смит, избавьте его от мучений.

«Особист» повернулся и взял с железного столика шестизарядный «смит-и-вессон». Шагнул к пленнику и приставил дуло револьвера к его голове.

С черепом Грофта произошла странная метаморфоза, он завибрировал, затрещал, а затем лицевая часть его слегка выдвинулась вперед, превратив красивое лицо агента в брутальное подобие звериной морды.

– Сэр! – испуганно проговорил рыжий «особист». – Кажется, он...

Договорить палач не успел. Ремни, стягивавшие руки и ноги пленника, лопнули, в один миг обер-лейтенант Грофт оказался на ногах, выхватил из пальцев Смита револьвер и, размахнувшись, ударил «особиста» рукоятью по лицу. Стокилограммовая туша Смита перелетела через столик и рухнула на пол.

В руке майора появился маленький пистолет «вальтер». Грофт молниеносно подпрыгнул к майору и резко ударил его кулаком в кадык. Фрейзер выронил пистолет. Из рта у майора хлынула кровь, он захрипел и повалился на пол.

Между тем рыжий громила Смит уже поднялся на ноги и стремительно наступал на агента, расставив руки. Грофт подхватил с пола трость майора, переломил ее пополам, развернулся и с размаху всадил обе острые половины Смиа в грудь.

Смит остановился и взревел, как раненый медведь.

Дверь распахнулась, и в камеру вбежали три охранника с пистолетами в руках. Грофт прыгнул им навстречу. Первого он ударил ребром ладони по шее. Второго пнул ногой в пах и довершил атаку ударом кулака в челюсть.

Внезапно дверь снова распахнулась. Грофт увидел черный зрачок ствола, направленный в его сторону. Он отшатнулся вбок и пнул ногой по стальной двери. Агент услышал резкий удар металла о металл – пистолет, выбитый дверью, выпал из руки четвертого охранника. Грофт выскользнул из-за двери и нанес охраннику сокрушительный удар в переносицу. Затем поймал его на лету, развернул и швырнул в камеру.

Расправившись с охранниками, агент быстро оглядел камеру. Шесть тел лежали на полу в разных позах. Помимо Грофта, на ногах остался лишь доктор Оллдфорд. Он забился в угол, с ужасом глядя на Грофта и выставив перед собой свой кожаный чемоданчик, словно тот и впрямь мог защитить его от пули, ножа или удара кулаком в горло.

– Раздевайтесь, доктор! – грубо приказал ему агент.

– Вы не сможете выбраться из тюрьмы, Грофт, – пробормотал тот дрожащим голосом.

Немецкий агент-убийца поднял с пола пару пистолетов и положил их на стол. Потом посмотрел на Оллдфорда странными желтоватыми глазами, усмехнулся и произнес:

– И все же я попробую.

3

Егор рывком сел в ванне с маслом и стянул с головы маску. Несколько секунд он глубоко дышал, приходя в себя и восстанавливая дыхание, затем вытер ладонью мокрое лицо, гневно взглянул на профессора и спросил:

– Какого черта, проф? Что это было?

Терехов – седой, морщинистый, с черной полоской крашенных черных усов над губой – натянуто улыбнулся, а затем на всякий случай откатился на своей инвалидной коляске от ванны.

– Успокойся, Волчок, – успокаивающе проговорил он. – Ты снова дома. С тобой все в порядке.

Егор откинул со лба мокрые темные волосы, вперил взгляд в морщинистое лицо профессора и отчеканил подрагивающим от ярости голосом:

– Вы сказали, что это будет кратковременный «пробный запуск» и что ничего страшного не произойдет.

– А разве что-то произошло? – вскинул брови Терехов.

– Вы перенесли мой разум в тело нациста Грофта! И не просто нациста, а профессионального убийцы!

– И что такого? – с обезоруживающей простотой спросил Терехов. – Не все ли равно, какая профессия у «носителя»? Тебе уже случалось вселяться в тело средневекового кузнеца. А он тоже был отчаянным головорезом.

– Вы не понимаете! Грофт – агент-ликвидатор! Теперь я помню и знаю все, что помнил и знал он! Помню, как я убивал людей, – понимаете вы это?

Терехов, продолжая натянуто улыбаться, на всякий случай откатился еще на полметра.

– Успокойся, дружок, – мягко проронил он, – ты этого не делал.

– Но сцены убийств остались в моей памяти. Да я теперь спать спокойно не смогу!

– Сможешь, – уверенно возразил профессор. – Грофт мог, и ты сможешь. Эти воспоминания не несут негативной окраски. Убийства были для агента Грофта обычной работой. И, кроме того, у профессиональных убийц очень устойчивая психика.

Егор поморщился:

– Вижу, моя психика вас совершенно не интересует.

Профессор Терехов пожал худыми плечами:

– Я учил тебя абстрагироваться от чужих воспоминаний. Воспользуйся этим навыком. Да и вообще – хватит сидеть в ванне. Иди прими душ и переоденься в чистую, сухую одежду. Это поможет тебе успокоиться и трезво взглянуть на ситуацию.

Двадцать минут спустя Егор Волков и профессор Терехов сидели в креслах перед журнальным столиком, на котором красовались бутылки с красным вином и вазочки с закусками. Кресла были антикварные, с резными, сильно потертыми подлокотниками.

Егор уже принял душ, и его зачесанные назад влажные темные волосы поблескивали, отражая свет люстры. Худощавое, чуть вытянутое лицо Волкова было сосредоточенным, а взгляд желтоватых глаз – строгим и хмурым.

Дом профессора был набит антиквариатом под завязку, и несмотря на уютную обстановку, Егору всегда было тяжело дышать в окружении этих громоздких дубовых шкафов, тумб и сервантов. Отпив глоток вина, он поставил фужер на стол и полез в карман рубашки за сигаретами.

– Ты все еще куришь? – удивился Терехов.

– Иногда, – ответил Егор и вставил в губы сигарету.

– А я думал, спортсменам это запрещено.

– Только тем из них, которые не воют по ночам на луну и не шелкают зубами при виде сырого мяса.

Егор прикурил сигарету от стальной «зиппо» и махнул перед лицом рукой, отгоняя дым.

– Ты все еще гоняешь на горных лыжах? – поинтересовался Терехов, отхлебнув вина.

Егор кивнул:

– Угу.

– Никогда не мог понять психологию спортсменов. Особенно тех, кто рискует не только своим здоровьем, но и своей жизнью. Рисковать головой нужно только ради очень важного дела. Ну, или во славу великой идеи.

Егор посмотрел на тонкие черные усики профессора, казавшиеся нарисованными черным карандашом и нелепо контрастировавшими с седой взлохмаченной шевелюрой и резкими старческими морщинами.

– Мой случай особый, – сказал он.

Профессор хмыкнул:

– С этим не поспоришь. Впрочем, и ты бы мог направить свою энергию в более конструктивное русло. Ну да ладно, не будем о пустяках. Давай поговорим о деле.

– Давно пора. – Егор выдохнул изо рта облачко сизого дыма и посмотрел сквозь него на профессора. – Как я оказался в шкуре этого фашиста, проф? Мой дед был артиллеристом и дрался с немцами на Курской дуге. Я это точно знаю.

Профессор улыбнулся.

– Видишь ли... – заговорил он, тщательно подбирая слова, – пока я совершенствовал Машину времени, я много думал. И кое до чего додумался.

Егор усмехнулся:

– Вы меня пугаете, профессор.

– Истина всегда пугает, Волчок. А дело, собственно, вот в чем. Мое утверждение о том, что разум путешественника во времени способен переноситься только в тела предков и потомков – ложно.

– То есть как?

– А так. Есть еще один способ перемещения. Немецкий агент Георг Грофт – не твой предок. Он – одно из твоих бывших воплощений.

Сигарета едва не выпала из раскрывшегося рта Егора.

– Я... не совсем вас понимаю, – хмуро пробормотал он.

– Что же тут непонятного? Георг Грофт не твой предок. Он – это ты. Только в одной из прошлых твоих жизней.

Егор прищурил глаза, несколько секунд пристально смотрел на Терехова (профессор заерзал в кресле под его взглядом), потом усмехнулся и сказал:

– Так-так. Интересно. Борис Алексеевич, сколько вина вы сегодня выпили?

– Я абсолютно трезв, Волчок. Оберштурмфюрер Георг Грофт – не просто твоя реинкарнация. Он состоял из того же биологического материала, что и ты. Другими словами, атомы, из которых построено твое тело, абсолютно идентичны атомам, из которых было построено тело Грофта.

Егор взял фужер с вином, поднес его к лицу и понюхал.

– Вы что-то подмешали в вино, проф? – подозрительно спросил он. – Или опять нанюхались «кокса»?

Терехов решительно мотнул головой, как бы отвергая на корню все грязные инсинуации в свой адрес, и решительно заявил:

– Я объясню. Представь себе колоду карт, в которой все карты упорядочены по порядку. Верхние карты – двойки, те, что под ними – тройки, и так далее, вплоть до тузов. Эта колода – ты. Что происходит в процессе твоей жизни? Колода карт непрерывно перетасовывается,

становясь все менее упорядоченной. Любое упорядоченное состояние самопроизвольно стремится перейти в менее упорядоченное. Это называется энтропией. Твое тело стареет, внутренние органы приходят в негодность, и заканчивается все это смертью и полным разложением тела на составные элементы. Ты следишь за моей мыслью?

– Слежу. Но пока не очень понимаю, к чему вы ведете.

– Сейчас поймешь. Представь себе другую ситуацию. У тебя в руках колода, карты в которой совершенно не упорядочены. И ты начинаешь ее тасовать. Так вот, теоретически в какой-то момент, после множества перетасовок, колода может обрести более упорядоченный вид. И даже больше того. Теория вероятности предполагает, что может наступить такой момент, когда колода карт обретет тот самый упорядоченный вид, о котором мы говорили раньше. Двойки будут с двойками, тройки с тройками, четверки с четверками, пятерки с пятерками...

– Я понял, – прервал профессора Егор. – Это, как в примере с обезьяной, которая, беспорядочно клацая по клавишам компьютера, может однажды создать «Войну и мир».

– Совершенно верно! – кивнул Терехов.

Егор скептически хмыкнул:

– Думаю, вашу колоду придется тасовать миллион лет, чтобы в какой-то момент она самопроизвольно приобрела упорядоченный вид.

– Не спорю, – улынулся профессор. – Но вполне вероятно, что у того, кто тасует эту колоду, много свободного времени. А колоду он тасует с невероятной скоростью.

Егор выпустил уголок рта струйку табачного дыма, прищурил недобрые глаза и уточнил:

– И к чему вы все это ведете?

– К тому, что... – Терехов осекся. – Прости.

Он взял со столика фужер и залпом допил вино. Затем, промочив горло, снова устремил взгляд на Егора и продолжил:

– Молекула и атомы, из которых состояло тело агента Грофта, в один прекрасный момент... лет этак через шестьдесят после смерти самого агента... вновь встретились и, подобно деталям конструктора, снова сложились в человеческое тело. И тело это приняло в себя информационного двойника, который все эти годы блуждал по Вселенной в поисках нового приюта.

– То есть – душу?

– Можно сказать и так. Но я предпочитаю избегать этого слова.

Профессор взял бутылку крымского «Каберне» и снова наполнил свой фужер. Егор посмотрел, как струя красного вина бьется в хрустальные стенки фужера, усмехнулся и сказал:

– Значит, я – новое воплощение немецкого агента Георга Грофта. И именно это позволило мне использовать его в качестве «носителя».

Профессор посмотрел на Егора поверх фужера и кивнул:

– Угу. – Затем отнял фужер от губ и добавил: – И с точки зрения науки, в подобном положении вещей нет никакого противоречия.

– И, надо полагать, вы первый человек, который додумался до всей этой лабуды с кирпичиками-молекулами и «информационным двойником», вернувшимся в заново отстроенное тело?

– Я очень умный, – ответил на это профессор. – Если ты помнишь, я единственный человек на планете, сумевший построить действующую Машину времени.

– Должно быть, вы додумались до этого под хмельком?

– Угадал, – улынулся Терехов. – И это говорит о том, что ученых давно пора было хорошенько напоить.

Егор не принял шутку собеседника:

– У вас два пути, проф: либо в церковь, к боженьке, либо в сумасшедший дом.

Терехов лукаво прищурил голубые и чистые, словно у ребенка, глаза и парировал:

– Мне вполне хватает своей собственной лаборатории, дружок. А теперь давай о деле. Мы добыли очки, трубку и браслет. Но теперь пришло время добыть четвертую вещь. Могу ли я и дальше на тебя рассчитывать?

– Я слишком крепко в этом увяз, чтобы останавливаться на половине пути, – сказал Егор.

Терехов одобрительно кивнул и спросил:

– Когда ты готов отправиться в следующее путешествие?

– Хоть сейчас, проф. Куда на этот раз?

– Надо навестить одного дьявола в человеческом обличье.

– И этот дьявол жил тысячу лет назад?

Терехов улыбнулся и покачал седовласой головой:

– Нет. Гораздо ближе. Тебе предстоит отправиться в тысяча девятьсот сорок второй год.

– Что я должен добыть?

– Циркониевый браслет. Мой брат носил его на правой руке. Он страдал гипертонией, и кто-то из врачей уверил его, что цирконий нормализует давление.

– Где конкретно искать браслет?

– Точно сказать не могу. Знаю лишь, что он находится на территории ставки.

– Ставки?

– Да. Сейчас я все объясню.

4

Убрав с журнального столика вино и закуски, Терехов разложил на нем старенькую карту, изданную еще в советские времена.

– В июле тысяча девятьсот сорок второго года Адольф Гитлер перевел свой генштаб из ставки «Волчье логово» у Растенбурга в новую ставку, расположенную в Винницкой области. Сейчас это территория независимой Украины. Первоначально эта ставка называлась Werwolf, оборотень. А потом, уж не знаю из каких соображений, в это название вставили еще одну букву, и ставка стала называться Wehrwolf, в переводе с немецкого – волк-защитник. Но в личных беседах фюрер продолжал по привычке называть ее «Вервольфом». Так же называют ее и сейчас.

– «Волк-защитник», – повторил Егор. – Хорошее название для детской сказки.

– Я бы на твоём месте так не радовался. «Волк-защитник» – твой будущий противник.

– Вы хотели сказать – прошлый.

Терехов дернул уголком морщинистых губ:

– Хватит парадоксов и каламбуров, Егор. Отнесись ко всему серьезнее. Ставка «Вервольф» представляет собой комплекс из нескольких подземных этажей и одного наземного. Ты чего усмехаешься?

– Странно, что вы говорите о ставке в настоящем времени, – сказал Егор, дымя очередной сигаретой.

– Прошлое, настоящее и будущее находятся рядом, они, как три коридора внутри одного дома. Есть места, где все три коридора почти смыкаются. Их отделяет лишь тонкая стенка, и мы с тобой научились ее ломать. Впрочем, я тебе уже об этом говорил. Итак, я продолжу, если ты позволишь.

Егор примирительно поднял руки.

– Толщина бетонных, армированных сталью стен бункера – несколько метров. В центральной зоне расположены главные строения: помещение гестапо, телефонная станция, столовая для высшего начальства и офицеров, бассейн, двенадцать жилых домов для генералов и высших офицеров штаба, помещения для Гитлера и два подземных бункера. В восьми километрах от «Вервольфа», в районе села Гуливы, находится ставка Германа Геринга, а в здании Пироговской больницы – штаб верховного главнокомандования сухопутных и военно-воздушных сил.

– Где они берут провиант, чтобы прокормить такую ораву народа? – поинтересовался Егор.

– В Виннице есть спиртзавод...

Егор усмехнулся:

– Да ну? Мне нравится ход ваших мыслей, профессор.

– Зубоскалить – это вполне в твоём духе, – заметил Терехов. – Я продолжу. Помимо спиртзавода, в Виннице есть консервный завод, а также большое огородное хозяйство. Они снабжают ставку всем необходимым. Участок по периметру ставки огорожен железной сеткой высотой два с половиной метра. Над ней натянуты два ряда колючей проволоки. Для простых солдат на территории комплекса есть несколько десятков финских домиков и бетонных бункеров – для защиты от бомбардировок.

– Как насчет электричества и воды?

Профессор провел пальцем вверх по карте.

– Вот здесь, на северном участке леса, построена электростанция. А вот тут, на берегу Южного Буга, стоит водонапорная вышка.

– Как можно покинуть ставку?

– В нескольких сотнях метров от ставки есть маленький аэродром для самолетов связи. Вот он! – Палец профессора переместился чуть в сторону. – В ставке огромное количество дотов, пулеметных позиций и позиций для пушек. А на высоких деревьях оборудованы наблюдательные посты. Воздушное прикрытие «Вервольфа» обеспечивают зенитные орудия и истребители, размещенные на Калиновском аэродроме.

– Здесь повсюду – «Волк-оборотень», «Вооруженный волк», «Волчье логово»... Почему именно волк?

– Гитлер обожал волков. Он считал, что имя «Адольф» переводится с древнегреческого как «матерый волк». Кроме того, сразу после Первой мировой войны Гитлер работал в качестве информатора рейхсвера, и он выбрал себе слово «Волк» в качестве позывного. Думаю, фюрер считал волка своим тотемом. У него было девять ставок в Европе, и четыре из них назывались «волчьими» именами.

Егор стряхнул с сигареты пепел и насмешливо заметил:

– Думаю, имей мы шанс познакомиться, я бы ему понравился.

– У тебя будет такой шанс, – заверил его Терехов. – Кстати, своего любимого пса Гитлер тоже называл Вольфом – Волком.

– Я ему точно понравлюсь! – улыбнулся Егор.

– Но потом он его застрелил, – добавил профессор. – Собственноручно.

Егор утрированно вздохнул:

– Это сильно понижает мои шансы. Но я все равно надеюсь на возникновение симпатии. Думаю, между нами при первой же встрече пробежит искра.

– Главное, чтобы это была не пуля, – заметил Терехов. – Подобраться к фюреру тебе будет очень нелегко. Его охраняет «бегляйткоммандо».

– Бегляйт... что?

– «Бегляйткоммандо», – повторил Терехов. – Личная охрана. Двадцать членов элитного подразделения «лейбштандарт СС», дававшего присягу лично фюреру. Этих парней прозвали «белокурыми волками». Они отличаются слепым фанатизмом и пренебрежением к смерти.

– Прямо самураи, – усмехнулся Егор.

Профессор посмотрел на него спокойным, холодноватым взглядом и сказал:

– В октябре сорок первого в Таганроге, мстя за шестерых убитых нацистов, «белокурые волки» за три дня убили четыре тысячи советских военнопленных.

Усмешка сползла с губ Егора.

– Я рассказываю это тебе затем, чтобы ты понимал, с кем тебе придется иметь дело, Егор.

– Я это учту, профессор. А теперь скажите: как мне найти браслет?

– Так же, как ты нашел предыдущие вещи. В момент твоего перемещения Квантовый навигатор вычислит «точку пересечения».

– То есть браслет сам меня «найдет»?

Профессор кивнул:

– Да.

– В чье тело я вселюсь на этот раз? Кто будет моим «носителем»?

– Ты с ним уже знаком. Бывший агент Абвера Георг Грофт. После ранения он ушел из разведки и перевелся в личную охрану Гитлера.

Лицо Волчка на секунд оцепенело, а затем он сухо усмехнулся и проговорил:

– Выходит, он все-таки сумел сбежать из английской тюрьмы.

– Выходит, что так, – сказал профессор. – И не без твоей помощи.

– Я спасал свою жизнь, – отчеканил Егор. – На его жизнь мне было плевать.

– И все же ты оказал ему большую услугу, когда порвал ремни. Но не будем об этом. Я рассказал тебе все, что знал сам, Егор. Если есть вопросы, задавай их, а я пока выставлю настройки Машины и заполню ванну раствором.

Глава 2

Ставка

1

Украина, близ Винницы, мартовский день 1942 года

Денек выдался солнечный. Птицы щебетали в шевелюре сосен и лиственного подлеска так, словно не было никакой войны. Впрочем, здесь ее и не было.

Отъехав от маленького аэродрома, трехосный военный «Крупп» резво покатыл по широкой лесной дороге. Егор сидел в машине рядом с солдатом-шофером и рассеянно поглядывал по сторонам. Он еще не совсем освоился в шкуре бывшего шпиона-диверсанта, а теперь гауптштурмфюрера СС Георга Грофта. Агент-убийца обладал большой волей, и время от времени Егор явственно ощущал его присутствие внутри своего сознания.

Завладев не только телом, но и памятью своего «носителя», Волчок чувствовал дискомфорт от того, что воспоминания, ставшие на время как бы его собственными, вступали в конфликт с моральной оценкой, которую давало этим воспоминаниям его настоящее «я».

Быть Георгом Грофтом и Егором Волковым одновременно – тяжелое испытание, но Волчок был уверен, что справится.

Как только Егор выбрался из машины, к нему тотчас подошел высокий парень в форме «лейбштандарта СС».

– Унтерштурмфюрер Рохус Миш, – представился он, предварительно вскинув руку в нацистском приветствии.

– Гауптштурмфюрер Георг Грофт, – ответил Егор, так же отсалютовав парню, а затем пожав его протянутую руку.

Унтерштурмфюрер улыбнулся и приветливо проговорил:

– Добро пожаловать в ставку, господин гауптштурмфюрер.

– Благодарю вас.

Егор огляделся.

Помимо трехосных автомобилей «Krupp», здесь стояло несколько джипов «Horch» и великолепный кайзермобиль «Mercedes 770 K» темно-синего цвета, который, вне всякого сомнения, принадлежал фюреру.

– Помочь вам донести вещи?

– У меня всего два саквояжа.

– Давайте я возьму один, а заодно провожу вас в корпус «бегляйткоммандо», где вы теперь будете жить.

Егор не стал возражать.

Держа саквояжи, они неторопливо зашагали к корпусу личной охраны.

– Я слышал, вы служили в разведке? – вежливо поинтересовался унтерштурмфюрер.

– Было дело, – ответил Егор, оглядывая территорию ставки цепким, спокойным взглядом.

– Переводом послужило ранение?

– Скорее, его последствия. Полгода назад я попал в одну неприятную заварушку. Была перестрелка. Я отправил на тот свет пару англичан, но сам получил пулю в ногу и в плечо.

– Здорово! – отреагировал унтерштурмфюрер.

Егор покосился на него насмешливо:

– Здорово?

– Я не в том смысле, что вы были ранены, – смутился парень. – А в том, что вы участвовали в реальных военных действиях против врага и уложили двоих.

– Я бы не назвал это военными действиями, унтерштурмфюрер. Да и в том, что я попал в засаду, нет ничего почетного.

– Как скажете, господин гауптштурмфюрер.

– Зовите меня просто Георг. Насколько я понимаю, на территории ставки правила немного смягчены.

– Вы правы, Георг, – кивнул Миш. – У нас тут даже вскидывать руку в приветствии не обязательно. Фюрер это не любит.

– Спасибо, что предупредили, унтерштурмфюрер.

– Рокус, – улыбнулся парень. – Просто Рокус.

– Хорошо, Рокус.

– Есть еще один нюанс, Георг. Особо приближенные к фюреру люди иногда называют его «шеф». Как правило, это наши «старики», которые знают фюрера уже лет по пятнадцать-двадцать. Порою, обращаясь к нему, они называют его «господин Гитлер». Нам такие вольности не положены по статусу.

– Понял, – кивнул Егор.

* * *

– Ну, вот и ваши апартаменты, – сказал унтерштурмфюрер, введя Егора в небольшую, но довольно уютно обставленную комнату. – Располагайтесь, а я разыщу командира.

– Хорошо, Рокус. Спасибо за помощь.

Егор поставил саквояж на пол, а сам уселся в кресло и вытянул ноги. Он был бы не прочь посидеть в одиночестве минут десять и хорошенько обдумать ситуацию, но уже через две минуты в дверь постучали.

– Войдите, – отозвался Егор.

Дверь открылась, и в комнату вошел высокий, сухопарый мужчина с отличительными знаками штурмбаннфюрера СС на петлицах. Егор поднялся с кровати и вскинул руку в приветственном знаке. Мужчина повторил жест, но лениво и вяло, затем представился:

– Меня зовут Бруно Геше. Я ваш командир.

Егор щелкнул каблуками.

– Разрешите доложить, господин штурмбаннфюрер: гауптштурмфюрер Георг Грофт был в ваше распоряжение.

– Вольно, гауптштурмфюрер.

На груди у Геше поблескивал позолоченный значок нацистской партии, означающий, что его партийный номер не превышает число 100 000. Видимо, Геше принадлежал к тем избранным служакам, которые называли Гитлера «шефом» и, возможно, даже обращались к нему на «ты».

– Присядем, – предложил Геше.

Егор сел на кровать, а Геше расположился на стуле. Достал из кармана коробку сигарет «Юно».

– Курите?

Егор кивнул:

– Да.

Командир достал одну сигарету и протянул ее Егору.

– У нас разрешено курить только в своих личных апартаментах и в специальных «курилках», – сообщил он. – Фюрер постоянно напоминает нам, что сигареты являются врагом здоровья номер один.

Егор взял сигарету, поблагодарил и сказал:

– Я слышал, он и сам раньше курил.

– Не то слово. Выкуривал по сорок сигарет в день.

Офицеры обменялись улыбками и закурили – сперва Геше, затем – от его зажигалки – Егор. Командир выпустил облако дыма и поинтересовался:

– Как ваша нога, гауптштурмфюрер?

– Уже не беспокоит.

– Ранение было серьезным?

– Пуля задела кость. Пришлось поваляться по госпиталям.

– Бывает. – Геше прищурился от сигаретного дыма. – Я кое-что слышал о ваших подвигах, дружище. И я рад, что такой доблестный офицер, как вы, будет служить в «бегляйткоммандо». У нас тут мало кому пришлось понюхать порошу по-настоящему. Да и те, что «понюхали», слышали свист пуль в основном только в Польше.

– Я тоже не служил на передовой, – заметил Егор.

Геше ничего ни это не сказал. Несколько секунд оба курили молча. Первым молчание нарушил Геше:

– Давайте я вас вкратце проинструктирую, дружище. Во-первых...

Голос командира звучал спокойно и размеренно и подействовал на Егора, который все еще немного нервничал, успокаивающе.

Закончив инструктаж, командир сказал:

– Вот, собственно, и все, дружище. Если есть вопросы – задавайте.

– Обыскивать ли мне посетителей? – спросил Егор.

Геше покачал головой:

– Ни в коем случае. Обыск посетителей, если уж он необходим, производится в смежной комнате двумя сотрудниками РСД, люди из «бегляйткоммандо» никогда в этом не участвовали. Фюрер не потерпит, чтобы кто-либо из личной охраны вел себя таким образом с его гостями.

– Каким оружием пользуются бойцы «бегляйткоммандо»?

– Наше оружие – «вальтер-ПП» калибра 7,65. Получите его в оружейной и никогда с ним не расставайтесь.

– Даже в апартаментах фюрера? – улыбнулся Егор.

Геше кивнул и ответил вполне серьезно:

– Даже там. Если шеф увидит, что охраняющий его офицер безоружен, он может сильно рассердиться.

– «Вальтер-ПП» не ахти какой пистолет, – заметил Егор.

– Фюрер сам определил класс оружия для личной охраны. В случае возникновения каких-либо инцидентов на помощь тут же придут ребята из РСД¹. – Геше усмехнулся. – У них оружие посерьезнее, не то что наши малютки-«вальтеры». В основном, «маузеры» и «браунинги», хотя у некоторых есть и «кольты».

Затушив вторую по счету сигарету в алюминиевом блюде, стоявшем на столике, командир поднялся со стула:

– Ладно, дружище. Даю вам полчаса на отдых, а потом я зайду за вами и проведу вас по территории ставки.

---

¹ Сотрудники службы безопасности.

2

На то чтобы ознакомиться с расположением объектов «Вервольфа», хватило сорока минут. Наконец, Геше привел Егора в святая святых – личный блокгауз Адольфа Гитлера.

– Как видите, блокгауз совсем небольшой, – сказал командир, когда они оказались внутри. – Рабочий кабинет, гостиная с камином, кухня, ванная, помещение для охраны и спальня. Вот, собственно, и все. А теперь, гауптштурмфюрер, давайте пройдем к рабочему кабинету фюрера. Коридор, который туда ведет, расположен за этой дверью.

С этими словами Геше шагнул к дубовой двери, взялся за ручку и потянул дверь на себя. Он хотел еще что-то добавить, но осекся. Прямо за дверью стоял фюрер.

Командир тут же щелкнул каблуками и проговорил:

– Шеф, прошу прощения, мы собирались...

Гитлер остановил его жестом и взглянул на Егора.

– У вас новый боец, – произнес фюрер спокойным и простым голосом, совершенно непохожим на тот, которым он произносил торжественные речи перед толпами народа.

– Так точно, шеф. Это гауптштурмфюрер Георг Грофт. Ранее он служил в Абвере, но после ранения и реабилитации был направлен к нам.

Взгляд фюрера стал цепким и острым.

– Говорят, адмирал Канарис² умеет подбирать себе людей, – задумчиво произнес он. А затем обратился к Егору: – Откуда вы родом, гауптштурмфюрер?

Егор, изо всех сил стараясь сохранить видимость уверенности и спокойствия, ответил четким голосом:

– Я родился в Верхней Силезии. Недалеко от Оппельна.

Фюрер устало кивнул. Он не выглядел ни монстром, ни сверхчеловеком. Обычный пожилой бюргер. Первое, что бросалось в глаза, это его знаменитые усики. Егор, а вернее, его «носитель», помнил, что друзья по партии бесчисленное количество раз советовали фюреру их сбрить, но он всегда отказывался, объясняя это тем, что народ уже привык к такому образу.

Глаза у фюрера были темно-синие, а лицо – бледное, астеничное. Черный чуб, по-детски свесившийся над морщинистым лбом, выглядел немного нелепо. Фигура Гитлера также оставляла желать лучшего. Он был среднего роста, широковат в бедрах, но узковат в плечах.

– Сколько вам лет, Георг? – поинтересовался фюрер.

– Двадцать девять, мой фюрер.

Взгляд Гитлера остановился на рыцарском железном кресте, пристегнутом к кителю Егора.

– За что награда? – спросил он.

– За храбрость, проявленную при выполнении особо важного задания, – ответил Егор.

– Уверен, что вы достойны этой награды, Георг. Осваивайтесь.

Егор успел заметить, что левая рука фюрера слегка подрагивала.

Гитлер прошел мимо охранников и двинулся к лестнице, ведущей, как Егор уже знал, к спальне.

Когда фюрер скрылся из вида, Геше усмехнулся и негромко проговорил:

– Кажется, вы понравились шефу.

– Не думал, что мне когда-нибудь доведется поговорить с самим фюрером, – ответил на это Егор.

– Теперь вы будете видаться часто, – заверил его командир. – И не удивляйтесь, если он обратится к вам по имени или начнет вас расспрашивать о жизни в Верхней Силезии. Фюрер

---

² Адмирал Вильгельм Франц Канарис – глава службы разведки и контрразведки Третьего рейха, именуемой Абвером.

помнит имена всех своих охранников, равно как и детали их биографий. У него поразительная память. Ну, а теперь, гауптштурмфюрер, пойдем дальше, наша «экскурсия» еще не закончена.

3

Циркониевый браслет... Егор думал о нем днем и ночью. Служба в личной охране была не слишком обременительна, и в сравнении с опасной, постоянно держащей в напряжении работой, которую вел Георг Грофт, будучи специальным агентом Абвера, жизнь в ставке казалась курортом.

С коллегами по «бегляйткоммандо» он так и не сумел сойтись близко. Они относились к нему немного настороженно и, конечно же, не забывали, кто он и откуда перевелся. Бойцы личной охраны выделялись на фоне остальных солдат и офицеров экстерьером. Светловолосые, голубоглазые, высокие и широкоплечие – они выглядели на фоне прочих, как породистые доги среди сброда дворняжек.

С молодым унтерштурмфюрером Рохусом Мишем после пары совместных посиделок за бутылкой вина и шнапса Егору почти удалось подружиться. Этот рослый, жизнерадостный парень смотрел на него восторженно, как смотрит младший неопытный брат на старшего, прошедшего огонь и воду.

Особенно не клеились у Егора отношения со «стариками» – сорокалетними офицерами, которые были рядом с Гитлером еще до его прихода к власти. Обращаясь к Егору вне службы, они часто называли его «дружище», однако глаза их при этом были словно бы покрыты корочками льда. Егор считал, что все это из-за его бывшей «специализации». Будучи агентом Абвера, он убивал людей и делал это спокойно и профессионально, и, видимо, «старикам», которые знали, почем фунт лиха, в его присутствии было немного не по себе.

Более-менее нормальные отношения наладились с еще одним коллегой – штурмбаннфюрером Карлом Вайхелем, стоявшим на полпути между «стариками» и «молодежью». Вайхель был один из немногих профессиональных военных в «бегляйткоммандо». В его поведении и манере разговаривать сквозили утонченная элегантность и проницательность. У него всегда находилось время, чтобы помочь Егору, дать совет относительно работы, подсказать, как держать себя на людях или в тесном кругу в присутствии фюрера. Он и в дальнейшем очень много помогал новичку.

Первую Мировую он прошел унтер-офицером. Он сражался на поле боя рядом с Гитлером. За бутылкой шнапса, приняв на грудь три стаканчика, Вайхель со смехом рассказал Егору, как однажды, лет десять тому назад, командир Геше мочился вместе с фюрером на какого-то араба.

Егор вынужден был поддержать смех, хотя лично ему эта омерзительная сцена не казалась смешной ни со своих собственных позиций, ни с позиций Георга Грофта, который хладнокровно убивал людей, но никогда не позволял себе унижать их.

Вообще же, чем ближе Егор узнавал белокурых бойцов личной охраны Гитлера, тем симпатичнее ему делался агент Абвера Георг Грофт, способный задушить голыми руками беспомощного старика и не испытать при этом никаких мук совести. Это пугало и удивляло Волчка, и порою он был близок к тому, чтобы заподозрить у себя признаки «стокгольмского синдрома», только вывернутые наизнанку, поскольку «заложником» в данной ситуации был Грофт, а он, Егор Волков, безусловным и бесспорным «захватчиком».

Между тем прошло уже четыре дня, а Егор до сих пор не сделал ничего, что приблизило бы его к решению главной задачи. Он так и не напал на след циркониевого браслета.

Волчок осмотрел запястья всех солдат и офицеров, которые служили в ставке, он задал десятки осторожных наводящих вопросов, но ни на шаг не приблизился к своей цели.

Однажды, когда после очередного дежурства Егор сидел в шезлонге, подставив лицо весеннему солнцу, он стал свидетелем неприятной сцены. Гитлер просматривал почту, стоя под деревом, неподалеку от своего бункера. В нескольких метрах от него застыл по стойке смирно

ординарец фюрера Фриц Даргес. Вытянувшись в струнку, он терпеливо ждал, что скажет ему шеф. Тут вокруг фюрера стала виться большая муха, мешавшая ему читать. Гитлер нахмурился и попытался отогнать муху, размахивая пачкой писем. Но муха не желала улетать. Наблюдая за манипуляциями фюрера, ординарец не смог удержаться от улыбки, и Гитлер это заметил.

– Если вы не можете держать эту тварь на расстоянии от меня, то мне не нужен такой ординарец! – сухо проговорил он.

Фюрер не сказал прямо, что Даргес уволен, но тот все понял, и по лицу его разлилась бледность. Через несколько часов он был отправлен на фронт.

Прошло еще несколько дней. По долгу службы Егор теперь часто пересекался с фюрером. Тот кивал ему, проходя мимо, а изредка покровительственно похлопывал по плечу.

Волчок успел узнать фюрера с неожиданных сторон. Гитлер, например, любил кино и предпочитал американские ленты. Однажды Егор застал фюрера за просмотром фильма «Унесенные ветром». Волчок как раз стоял возле гостинной на дежурстве в день, когда картину показывали. После финальных титров Гитлер встал со своего места с удовлетворенным видом и сказал, обращаясь к кому-то из окружения:

– Надеюсь, и мы когда-нибудь научимся снимать такие же прекрасные фильмы.

В другой раз один из сотрудников СД, молодой оберштурмфюрер с лицом херувима и плечами борца, обратился к фюреру с просьбой отправить его на фронт.

– Мой фюрер, я хочу отправиться на передовую, – произнес он звенящим от волнения голосом.

– На передовую? – мрачновато переспросил Гитлер.

– Да. На передовую. Хочу сражаться, показать, что тоже на что-то способен, что могу противостоять врагу, вместо того чтобы сидеть сложа руки в ставке.

Гитлер досадливо поморщился:

– По-твоему, охранять своего фюрера – это значит, сидеть сложа руки?

– Я не то хотел сказать, шеф, – смутился оберштурмфюрер. – Я хочу драться с нашими врагами. Хочу убить как можно больше русских и тем самым приблизить нашу окончательную победу.

Гитлер вздохнул:

– Драться... Что ж... Скажу тебе как на духу, я бы не хотел лишиться такого хорошего солдата. Но запретить тебе я не вправе. Немцы – свободные люди, и каждый из них волен сам брать ответственность за свою жизнь и судьбу. Завтра утром ты отправишься в боевую часть.

Оберштурмфюрер щелкнул каблуками и с воодушевлением проговорил:

– Вы не пожалеете о своем решении, шеф.

Гитлер вздохнул, повернулся и неторопливо зашагал в свой кабинет. Проходя мимо Егора, он покосился на него и с некоторым раздражением спросил:

– И что прикажете делать? Не могу же я сказать солдату «нет», когда он жаждет пролить кровь за родину.

Когда Гитлер скрылся за углом, лейтенант расслабился, взглянул на Егора и с восторгом воскликнул:

– Господин гауптштурмфюрер, я буду драться с красными на передовой!

– Вам повезло, старина. Я бы тоже последовал вашему примеру, но ранение в ногу еще дает о себе знать.

– Ничего страшного, – покровительственно заявил офицер СД. – В «бегляйткоммандо» нужны люди, подобные вам. Сильные, храбрые, знающие, почем фунт лиха. – Оберштурмфюрер насмешливо посмотрел Егору в глаза и добавил: – Быть верным псом фюрера – почетное право.

«Скорее уж волком, рвущим фюреру глотку», – подумал Егор, приветливо улыбнувшись «вояке».

4

На седьмой день пребывания Егора на территории ставки в блокаду к Гитлеру приехал рейхсмаршал Герман Геринг. Егор как раз дежурил у кабинета фюрера.

Геринг, которого все называли преемником фюрера, оказался грузным мужчиной с военной выправкой, решительным лицом и светлыми глазами, в которых читались ум, отвага и хитрость. Егор был наслышан о былых подвигах рейхсмаршала.

Во время Первой мировой войны Геринг был летчиком-истребителем и сбил двадцать два самолета противника, за что был награжден Железным крестом и высшей военной наградой Пруссии – орденом «Pour le Mérite». И даже дальнейшие неприглядные факты биографии Геринга, включавшие в себя скандальные любовные связи, погромы, кутежи и патологическую любовь к роскоши, не затмили былой славы рейхсмаршала и не помешали ему стать народным любимцем.

Стремительно шагая к кабинету Гитлера, рейхсмаршал на ходу сбросил шинель, дорожную сумку и фуражку, всучил их подоспевшему Егору и тут же направился дальше.

Как только Геринг скрылся в кабинете фюрера, Егор отнес его вещи в гардероб. В кармане шинели рейхсмаршала лежало что-то тяжелое. Положив вещи на столик перед вешалкой, Егор заметил слегка торчащую из кармана рукоятку пистолета. Он вытянул пистолет – это был огромный револьвер марки «кольт» с шестизарядным барабаном. Егор тихонько присвистнул. Внушительное оружие. Не то что его нынешний «вальтер-ПП», выглядевший на фоне огромного револьвера детской игрушкой.

Повесив шинель, сумку и фуражку на крючки, Егор бесшумно прошел к кабинету и наострил слух. Он услышал раздраженный голос Гитлера и негромкий, спокойный – Геринга. Речь шла о недавних бомбежках немецких городов. Фюрер нападал, а рейхсмаршал защищался, пытаясь прикрыть действия своих подчиненных и найти всему объективные объяснения. Гитлер нервничал и давал выход своему гневу. Он говорил громко, раздраженно:

– Почему не дошла информация? Как такое вообще возможно? Информация есть, но она не доходит! Зачем отдавать приказы, если никто о них не знает! То, что произошло, – провал, и в ответе за это я! А потери? Вдовы и сироты – им будет за что меня ненавидеть!

– Мой фюрер...

Дальше Геринг понизил голос, словно сообщал шефу секретную информацию, но Гитлер прервал его:

– Ты разочаровываешь меня, Герман! И пророк из тебя никудышный. Не ты ли говорил, что ни одна вражеская бомба не упадет на города Германии? Кто объявил об этом нации? Кто уверял в этом нашу партию? Я читал в книгах об азартных карточных играх – мне знакомо понятие блефа. Германия – не зеленое сукно ломберного стола, на котором можно играть в азартные игры.

– Мой фюрер, ваши обвинения не совсем справедливы. Я никогда...

– Вы погрязли в довольстве и роскоши, Геринг! – снова оборвал Гитлер. – Вы живете в дни войны, словно император или еврейский плутократ! Вы стреляете из лука оленей, а мою нацию расстреливают из пушек самолеты врага! Призвание вождя – это величие нации! Удел вождя – скромность! Профессия вождя – точное соотнесение обещаний с их выполнением!

– Шеф, я не...

– Не надо больше слов. Отправляйся в свою ставку, Герман, я должен все тщательно обдумать.

Геринг зашагал к двери. Егор быстро отпрянул и отошел на пару шагов.

Рейхсмаршал вышел из кабинета и неплотно притворил за собой дверь.

– Дьявол... – тихо выругался он. Потом взглянул на Егора и грубо спросил: – Куда вы уволокли мои вещи, гауптштурмфюрер?

– Они в гардеробе, господин рейхсмаршал. Прикажете принести?

– Сам пройду.

И Геринг – тяжелый, мощный, как медведь, двинулся к гардеробу. Егор последовал за ним.

Набросив шинель и надев на голову фуражку, Геринг нахмурился и вдруг разразился тихой, но весьма отборной бранью, помянув в своей «отповеди» русских, англичан и американцев и пообещав отправить их всех туда, куда ни один человек в здравом уме не отправился бы.

Егор спокойно выслушал нецензурный монолог Геринга, затем достал из кармана брюк алюминиевую фляжку и протянул ее рейхсмаршалу. Геринг на мгновение замолчал, потом взял фляжку и спросил без всякого удивления:

– Что там? Шнапс?

– Бренди, – ответил Егор.

Рейхсмаршал кивнул, свинтил крышку и хорошенько приложился к фляжке.

– Хорошее пойло, – похвалил он. Затем вернул фляжку Егору, оглядел его с головы до ног и сухо осведомился: – Фамилия?

– Гауптштурмфюрер Георг Грофт.

Геринг еще несколько секунд сверлил Волчка своими холодными, светлыми глазами, потом вдруг хмыкнул и одобрительно проговорил:

– Ты хороший парень, Грофт. И я это запомню. Поверь, я умею быть благодарным.

Геринг запахнул пальто, поправил на плече дорожную сумку и двинулся к выходу. Однако на полпути вдруг обернулся и спросил:

– В карты играешь?

– Так точно, господин рейхсмаршал.

– Приезжай ко мне в ставку. Завтра, часов в семь вечера. Я выпишу на тебя пропуск.

Геринг повернулся и вышел из блокгауза.

Егор снова подошел к кабинету. Брови его удивленно приподнялись. Из рабочего кабинета Гитлера доносилась тихая прекрасная музыка. Заглянув в щель, Егор увидел, что фюрер сидит в кресле с закрытыми глазами, полностью поглощенный мелодией и словами песни, льющейся из патефона.

Вид у Гитлера был измученный, почти несчастный. Контраст с только что закончившимся шумным спором – поразительный.

– Войдите в кабинет, гауптштурмфюрер, – сказал вдруг фюрер, не открывая глаз. – Хватит там топтаться.

Егор послушно вошел в кабинет, напустив на себя самый смиренный вид, на какой только был способен. Гитлер открыл глаза, посмотрел на него и спросил:

– Вы знаете, кто это поет?

– Нет, мой фюрер, – ответил Егор.

– Это Йозеф Шмидт. Великий оперный тенор.

– «Маленький человек с большим голосом». Да, мой фюрер, я слышал о нем.

Фюрер сидел в расслабленной позе, расстегнув китель. Егор не к месту заметил, что у Гитлера наметилось брюшко и что на плечах его кителя серебрится перхоть.

– Шмидт бежал из Германии, когда мы пришли к власти, – снова заговорил Гитлер. – И умер в пересыльном лагере. Насыщенная биография, не правда ли? Биография поэта, а не певца.

Гитлер, ощутив на себе взгляд Волчка, повернул голову и пристально посмотрел ему в глаза. Егор почувствовал, как взмокла его спина под рубашкой. Нет, все же этот человек был

не таким, как все. Глаза его, внезапно посветлевшие, холодные, властные, проникали Егору в душу, и не просто в душу, а в самые тайные и непроницаемые ее глубины.

– У вас есть невеста? – спросил он вдруг, без всякого перехода.

– Да, мой фюрер, – ответил Егор, припомнив, что Георга Грота действительно ждет в Берлине девушка, которой он месяц назад сделал предложение.

– Замечательно. – Гитлер усмехнулся. – И что вы собираетесь ей подарить?

– Подарить?

– Ну да. Девушкам ведь делают подарки.

– Да, мой фюрер. Я... я хочу подарить ей браслет.

– Браслет? – Фюрер прищурился. – Золотой, я полагаю? Может быть, даже с бриллиантами?

– Так точно.

Уголки губ Гитлера приподнялись:

– Это хороший подарок, Георг. Но не все то золото, что блестит. Вы что-нибудь знаете про алхимиков?

Егор был сбит с толку. Он снова не к месту отметил, что у Гитлера на указательном пальце черный ноготь.

– Бог щедро одарил нас дарами, но мы не всегда знаем, как их использовать. – Фюрер сдержанно усмехнулся. – Мы даже не всегда их видим, хотя они лежат у нас под самым носом. Свойства металлов до сих пор не раскрыты. Бывает, что простой медный браслет способен принести своему владельцу больше благ, чем все золото мира.

Гитлер поднялся со стула, повернулся к Егору спиной и неторопливо прошел к камину. Рука Егора сама потянулась к «вальтеру», и ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы не рвануть пистолет из кобуры и не разрядить обойму в затылок величайшему злодею человечества.

Гитлер между тем взял бронзовую кочергу и поворошил ею в камине, поправляя тлеющие поленья. Некоторое время он стоял перед камином молча, а когда обернулся, посмотрел на Волчка так, будто забыл о его присутствии или не сразу вспомнил, кто перед ним стоит. Потом кивнул и пробормотал:

– Ах да, браслет... Хороший подарок. Женщины, как сороки, любят все блестящее. В том числе и браслеты. Когда вам понадобится отпуск, чтобы повидаться с невестой, скажите прямо мне. А уж я как-нибудь договорюсь со стариной Геше. А теперь ступайте.

5

Егор отлично помнил слова профессора Терехова: «Браслет сам тебя найдет». Квантовый навигатор, изобретенный профессором, начинал работать на полную мощность только в момент перемещения Егора во времени, используя его сознание, как надежную антенну. Навигатор вычислял точку наибольшего пространственного и временного сближения Егора с искомым предметом и, словно умелый стрелок, отправлял его сознание в точку, немного предшествующую встрече, чтобы исключить «перелет» и дать Егору время подготовиться. Так было в предыдущие два раза, когда Машина времени забросила Волчка сперва в Средневековье, а затем в недалекое будущее.

Исходя из этих соображений, Егор предположил, что фюрер неспроста завел речь о невесте и подарке. Последние три дня в блокгаузе Гитлера гостила его подруга – довольно хорошенькая блондинка по имени Ева Браун.

Она была в бункере не в первый раз, и охранники фюрера были ей хорошо знакомы. Все, кроме новичка Георга Грофта. С ним она виделась всего пару раз, и они вежливо кивали друг другу в знак приветствия.

Егору показалось, что Ева, являясь подругой великого вождя, прекрасно осознает всю двусмысленность и неопределенность своего статуса. Это было заметно по поведению девушки. По ее обыкновению скромно и как-то по-звериному покорно опускать глаза в присутствии высокопоставленных гостей Гитлера. В легком румянце, появляющемся на ее щеках, когда офицеры при ее внезапном появлении замолкали, из чего она, будучи девушкой мнительной, конечно же, делала вывод, что офицеры обсуждали ее отношения с фюрером.

Проницательность и наблюдательность, присущие бывшему агенту разведки Георгу Грофту, сослужили Егору добрую службу. Он с первого же взгляда понял, что Еве очень одиноко в ставке. Жизнерадостная натура девушки сочеталась с природной застенчивостью, граничащей с закомплексованностью. Она считала себя недалекой и даже глуповатой и сильно робела в присутствии «великих мужчин», окружавших фюрера.

И вместе с тем девушка жаждала общения и готова была открыть душу любому, кто сгодится на роль ее друга. На роль того, кто не будет рассматривать ее оценивающим взглядом, а примет и будет уважать ее такой, какая она есть.

Между тем офицеры из «бегляйткоммандо», интуитивно чувствуя комплексы девушки, вели себя с ней запросто и даже бесцеремонно. Случалось, что стопки писем, телеграмм и деловых бумаг заносили прямо в комнату Евы Браун: так Гитлеру было проще добраться до почты, поскольку спальня его напрямую сообщалась с ее комнатой.

На следующее утро после разговора с Гитлером, зная, что сам фюрер отправился на прогулку в сопровождении трех белокурых охранников, Егор прихватил из пункта связи парочку не очень срочных телеграмм, поднялся по ступенькам, ведущим в апартаменты фюрера и его подруги, на секунду остановился перед дверью в спальню Евы Браун, пригладил ладонью волосы, а затем взялся за ручку и открыл дверь.

Ева Браун была еще в постели, практически нагая, в одной коротенькой ночной рубашке. Егор замер у порога, изобразив смущение.

– Прошу прощения, фройляйн Гитлер, – пробормотал он растерянным голосом, намеренно называя ее именем великого фюрера и прикрыв глаза ладонью. – Должно быть, я слишком тихо постучал. Я буду благодарен, если вы не расскажете об этом фюреру.

Волчок повернулся и сделал вид, что хочет уйти, но Ева вдруг окликнула его:

– Пойдите, гауптштурмфюрер!

Егор замер, не оборачиваясь.

– Вам совершенно не о чем волноваться, – мягко проговорила она. – Ничего страшного не случилось. Скажите, гауптштурмфюрер, у вас есть сигарета?

– Конечно, фройляйн Гитлер.

Он достал из кармана пачку трофейного «Кэмэла» и положил ее на столик возле двери.

– Можете подать мне их? – спросила у Волчка за спиной Ева. – И не бойтесь обернуться.

Егор обернулся и взглянул на нее. Она сидела на кровати, выпрямившись и чуть прикрыв грудь легким покрывалом. Егор взял сигареты и приблизился к ней.

Вынув сигарету из пачки и вставив ее в пухлые словно у ребенка губы, девушка потянулась было за зажигалкой, но Егор ее опередил. Чиркнув спичкой, он поднес ее к сигарете, глядя на свежее, несмотря на недавнее пробуждение, лицо с живыми, обаятельными чертами.

Ева выпустила облачко дыма, посмотрела сквозь него на Волчка и вдруг улыбнулась:

– Вы новичок, правда?

– Правда, – ответил Егор и тоже улыбнулся.

– Вы уже успели с кем-нибудь подружиться?

Он покачал головой:

– Нет. Я все еще чувствую себя здесь немного чужим.

– Мне это знакомо, – сказала Ева.

Она повернулась к тумбочке, чтобы стряхнуть с сигареты пепел в фарфоровую пепельницу, и как бы невзначай выпростала из-под покрывала стройную правую ногу, обнаженную до самого бедра. Нога была великолепная, не хуже, чем у супермоделей с обложек «Harper's Bazaar» и «Vogue».

Ева снова выпрямилась, посмотрела Егору в глаза и весело спросила:

– У вас все еще испуганный вид. Неужели я такая страшная?

Он улыбнулся в ответ – самой очаровательной, мягкой и обезоруживающей из своих улыбок (а их в загашнике у опытного разведчика Георга Грофта было великое множество).

– Вы прекрасны, фройляйн! – выдохнул он. И тут же покраснел, словно устыдился развязности своих слов.

Ева засмеялась, щеки ее тоже слегка порозовели:

– А вы ловелас, капитан! Но вы кажетесь мне простым и симпатичным парнем. Слушайте, вы сможете достать мне выпивку?

– Выпивку?

Она кивнула:

– Да. Я знаю, что вы, офицеры, в свободное время прикладываетесь к рюмочке. Как, впрочем, и все другие мужчины. А мне Адольф запрещает пить.

– Это очень мудро с его стороны, – мягко заметил Егор.

– Безусловно. Но иногда... иногда без выпивки совершенно невозможно расслабиться. А я так часто чувствую себя напряженной.

Последняя фраза Евы прозвучала неожиданно искренне и не без некоторой горечи. Егор кивнул в знак понимания и уточнил:

– Какие напитки предпочитает фройляйн?

Глаза девушки загорелись.

– Сможете принести шампанское? – негромко, словно боясь чужих ушей, спросила она.

Глядя на ее лицо, Егор окончательно удостоверился в своем подозрении, которое возникло у него, едва он переступил комнату: Ева Браун была пьяна.

Опьянение ее было едва заметным. Скорее всего, девушка выпила не больше пары бокалов вина (видимо, допила остатки из бутылки, которую тщательно прятала от фюрера).

Егор улыбнулся и сказал:

– Я готов попробовать.

Он собрался было выйти, но девушка быстро проговорила:

– Пойдите... Лучше коньяк или бренди. Вы сумеете достать?

Егор снова повернулся к Еве и сказал:

– За бренди куда идти не понадобится. У меня есть при себе фляжка.

Бровки девушки удивленно приподнялись:

– А разве Адольф не запрещает?

– Запрещает. И поэтому я буду вам очень благодарен, если вы меня не выдадите.

Она снова улыбнулась, на этот раз широко и лучисто – как лучшему другу:

– Вы для меня просто находка, капитан!

– Рад вам услужить.

Егор достал из кармана фляжку, открыл ее и протянул девушке. Она приняла фляжку, и при этом ее теплые пальцы легонько коснулись его руки.

– За вашу доброту! – сказала девушка, приветливо глядя на Егора, отсалютовала ему фляжкой и сделала небольшой глоток. Поморщилась и сообщила: – Крепкое. Даже горло дерет.

А потом приложила снова и сделала два довольно больших глотка. На глазах Евы выступили слезы, но она не закашлялась, а опустила фляжку и спокойно вытерла влажные губы тыльной стороной ладони.

– Как вас зовут? – сипло спросила она Егора.

– Георг, – ответил он.

– Георг, вам, наверно, часто говорили, что вы красавец?

Егор чуть склонил голову набок и не без игривого лукавства промолвил:

– Вы и правда так думаете?

– Что вы красавец? – Ева засмеялась. – Да, я правда так думаю. Будь я свободна, я могла бы в вас влюбиться. Но моя связь с Адольфом не мешает нам с вами стать друзьями, верно?

– Верно, – кивнул Егор.

Улыбка вдруг сползла с губ девушки. Она вздохнула и проговорила с невыразимой горечью:

– Мне здесь так одиноко... Адольф не любит, когда я пью спиртное или курю. Иногда, втайне от него, я выкуриваю сигарету, но после этого мне приходится чистить зубы и тщательно полоскать рот, чтобы запах меня не выдал. Волчок в этом очень строг.

– Волчок? – приподнял брови Егор.

Ева кивнула:

– Да. Изредка я его так называю. Это напоминает мне о нашей первой встрече. Хотите расскажу, как это было? – предложила вдруг она.

– Только если вы сочтете это возможным, – сказал Егор, глядя девушке прямо в глаза.

Она улыбнулась, подтянула ноги и шлепнула ладошкой по краю кровати:

– Присядьте.

Егор сел. Теперь они оказались совсем рядом. Настолько, что могли уловить дыхание друг друга, а Егору, с его по-звериному обостренными чувствами, даже казалось, что он явственно ощущает тепло ее тела.

– В двадцать девятом году, – снова заговорила Ева, – гадалка сказала мне: «Скоро весь мир будет говорить о тебе и твоей великой любви!»

– И она не ошиблась, – заметил Егор дружеским голосом.

– Да, – неуверенно проговорила Ева. – Наверное.

Она сделала еще один глоток из фляжки, смахнула с глаз выступившие от крепкого напитка слезы, посмотрела на Егора и сказала:

– Мы познакомились с Адольфом в начале октября двадцать девятого года. После праздничной вечеринки в фотоателье Хоффмана я задержалась – мне нужно было привести в порядок деловые бумаги. Когда я стояла на высокой стремянке, приставленной к большому шкафу для документов, к нам вошел сам Хоффман с каким-то незнакомым господином со смешными

усиками. Усатый господин был одет в светлое английское пальто, а в руке держал большую фетровую шляпу. Они сели на стулья в противоположном конце комнаты и заговорили о своих делах. Но я-то заметила, что незнакомец исподволь разглядывает мои ноги. Мне стало смешно и неудобно, ведь я была в коротенькой юбочке, которую сшила себе сама. Когда я спустилась с лесенки, Хоффман тут же представил меня солидному господину. Помню, он сказал: «Это наша бравая маленькая фройляйн Ева! А это – господин Вольф!»

– Вольф³?

Ева кивнула:

– Да. Это был его партийный псевдоним. Адольф всегда любил волков, поэтому и взял себе такую фамилию. В тот вечер мне пришлось возвращаться домой затемно, и Адольф предложил подвезти меня в своем «Мерседесе». Но я отказалась.

– Почему? – спросил Егор.

– Мой отец был человеком очень строгих правил, и он бы пришел в ярость, если бы увидел меня в автомобиле с незнакомым мужчиной, тем более что мужчина этот был намного старше меня. После этого Адольф стал часто заезжать в наше фотоателье. И я влюбилась в него. От его взгляда меня бросало в дрожь, а его галантные манеры кружили мне голову. Он постоянно дарил мне цветы и конфеты, и при этом всегда целовал мне руку и говорил что-нибудь приятное. Особенно мне запомнился первый букет, который Ади мне подарил. Это были желтые орхидеи. Знаете, Георг, это было... великолепно. Я купалась в своей любви. Но теперь... теперь мне так одиноко, а Адольф со мной так строг, что я почти позабыла, каково это – быть нежно и страстно любимой.

Егор посмотрел девушке в глаза и тихо произнес:

– Уверен, что вокруг найдется немало желающих напомнить вам об этом.

– А как насчет вас? – словно в шутку спросила Ева, но во взгляде ее, устремленном на Егора, не было ничего шутливого или веселого. Глаза ее мерцали маслянистым светом, дыхание стало прерывистым, а губы слегка приоткрылись.

И Егор больше не сдерживался. Он резко подался вперед, обнял девушку за талию и поцеловал в губы...

Все произошло стремительно – так стремительно, что оба не успели осознать, что делают. Ева вздрагивала и стонала в его объятиях, а потом выгнулась дугой, хрипло вздохнула и так сильно прикусила губу, что на ней выступила капелька крови. И лишь когда все закончилось, она слегка оттолкнула его от себя и громко проговорила:

– Мы не должны были... Не должны...

Егор пришел, наконец, в себя. На лице его отобразилось изумление. Он совсем не собирался делать то, что сделал. Это было что-то вроде сексуального помутнения, и кто был виноват в этом «помутнении» – вервольф, дремавший у него в душе, или же Георг Грофт, чья страстная и необузданная любовь к женскому полу несколько раз едва не стоила ему жизни, – этого Егор не знал.

Однако что случилось, то случилось. Ева Браун лежала перед ним на кровати – обнаженная, покрасневшая от страсти, потрясенная не меньше его. Овладев собой, она протянула руку к отброшенному покрывалу и прикрыла грудь.

Егор потянулся за пачкой «Кэмэла». Вытряхнул две сигареты, одну вставил в губы, вторую протянул Еве.

Несколько секунд оба молча пускали дым, бросая друг на друга быстрые взгляды. Первым молчание нарушил Егор.

– Прости, – сказал он. – Я не знаю, что на меня накатило.

---

³ Волк (нем.).

– Это я виновата, – отозвалась Ева. – Ты чем-то напомнил мне Адольфа. Такого, каким он был много лет назад.

– Мы с ним похожи? – спросил Егор, усмехнувшись.

– У вас одинаковый взгляд, – сказала Ева. Потом внимательно посмотрела на него и вдруг спросила: – Ты придешь ко мне еще?

Егор повернул голову, и взгляды их встретились.

– Ты этого хочешь? – спросил он.

Она кивнула:

– Да.

– Но это опасно. Если *он* узнает, тебе не– сдобровать.

Ева улыбнулась:

– Ты беспокоишься обо мне?

– Да. Я о тебе беспокоюсь.

Ева положила недокуренную сигарету в пепельницу, а потом придвинулась к Егору и поцеловала его в щеку.

– Приходи еще, Георг, – тихо сказала она. – Мне с тобой легко. Если хочешь, мы будем просто разговаривать. Мне тут совсем не с кем поговорить.

– Хорошо, – сказал Егор. – Я приду.

Он взял фляжку и отхлебнул бренди, затем передал фляжку Еве. Она тоже сделала пару глотков. Глаза ее заблестели еще ярче, а на щеках проступил румянец. Ева улыбнулась и хотела поцеловать Егора в губы, но он слегка отстранился, посмотрел на нее спокойным взглядом, а затем сказал:

– Расскажи мне про браслет.

Брови Евы чуть приподнялись:

– Про браслет?

– Да. Про *необычный* браслет, который *он* тебе подарил.

Ева несколько секунд молчала, а потом удивленно и словно бы с некоторой досадой спросила:

– Он с тобой так откровенен?

– У нас был один разговор, – уклончиво ответил Егор.

– И что он рассказал тебе про браслет?

Волчок играл ва-банк, и останавливаться было уже поздно.

– Ничего, кроме того, что у браслета есть какая-то тайна, – ответил он девушке. Потом накрыл ладонью ее руку, лежащую на кровати, и добавил мягким, чувственным голосом: – Я хочу быть твоим другом, Ева. И хочу знать о тебе как можно больше.

Она растерянно улыбнулась:

– Что ж... Однажды ночью браслет появился у Адольфа на письменном столе. Я толком не поняла, как это произошло. Да он мне и не объяснял. Просто сказал, что браслет появился сам собой. Адольф расценил это как знак, посланный ему Божеством. Символ избранности.

– Фюрер подарил его тебе?

– Браслет? – Девушка тряхнула белокурыми кудряшками. – Нет. Он хотел мне его подарить, но потом передумал. Сказал, что я слишком легкомысленная для таких подарков.

– Значит, браслет все еще у фюрера?

Ева наморщила лоб, потом медленно покачала головой:

– Нет... Кажется, нет. Адольф не хотел держать браслет при себе. Он сказал, что от браслета исходит нехорошая энергия. Когда он в первый раз это почувствовал, он даже хотел избавиться от браслета, но не решился. Ади сказал, что отдаст его на хранение своему преемнику.

– Преемнику? Он говорил о Геринге?

– Да. Наверное. – Ева прищурила светлые глаза. – А к чему все эти вопросы, Георг?

Он улыбнулся:

– Я всегда интересовался мистикой, Ева.

– Ясно. – Она тоже улыбнулась: – Вот и еще одно сходство между тобой и Адольфом. Я же говорю: вы с ним похожи.

«Вряд ли можно воспринимать это как комплимент», – подумал Егор. Он поднялся на ноги и привел в порядок одежду.

– Мне пора, Ева.

Она вздохнула:

– Жаль. Можешь оставить мне свою фляжку?

– Да. Конечно. Только спрячь ее подальше.

– Я спрячу, – пообещала Ева.

Егор нагнулся, поцеловал девушку в губы, потом развернулся и зашагал к двери.

6

Получалось, что приглашение от рейхсмаршала Геринга поступило как раз кстати. Слова профессора о том, что «предмет, переместившийся в другую эпоху, сам «жаждет» быть найденным», несмотря на весь свой метафоризм, оказались верны.

«Время – упругая штука, – говаривал профессор. – Как его ни гни и ни меняй, оно все равно попытается вернуть первоначальный порядок вещей. И использует для этого любой шанс».

Егор понял, что приглашение Геринга – один из таких шансов, предоставляемых ему какой-то высшей силой, контролирующей незыблемость цепочки событий. Он был готов навестить Геринга, но тот внезапно приехал сам.

«Мерседес» рейхсмаршала остановился рядом с бронированным кайзеромобилем фюрера. Шофер, конопатый ефрейтор в серо-голубой форме, выскочил из салона и открыл Герингу дверцу. Несмотря на грузную комплекцию, бывший летчик-ас выбрался наружу легко, словно жирок его был всего лишь камуфляжем, скрывающим ловкое, стройное, мускулистое тело.

Проходя мимо Егора и унтерштурмфюрера Рохуса Миша, с которым тот стоял у блока-гауза фюрера, Геринг кивнул в ответ на их вскинутые в приветствии руки и быстрой походкой прошел мимо.

– У фюрера сегодня хорошее настроение, – сказал Миш, когда Геринг вошел в блокауз. – Он пригласил на обед своих старых боевых друзей.

– Кто еще будет на обеде? – поинтересовался Егор.

– Комиссар по идеологии Гиммлер и министр вооружений Шпеер.

– Надеюсь, парни хорошо развлекаются.

Егор произнес эти слова с легкой усмешкой, и унтерштурмфюрер Миш посмотрел на него удивленно. Егор поспешно напустил на себя серьезный вид и добавил:

– Великим гениям тоже иногда нужно отдыхать. Ты согласен?

– Конечно, – кивнул унтерштурмфюрер. Потом взглянул на часы и со вздохом проговорил: – Моя смена закончилась, завалиться бы сейчас спать, да не получится.

– Почему?

– Через полчаса я должен быть в пункте связи. Ожидается донесение от генерала Паулюса, которое фюрер очень ждет.

– Ступай спать, а за сообщением схожу я, – предложил Егор.

– Вы серьезно?

– Конечно, дружище.

Миш просиял:

– Я ваш должник, гауптштурмфюрер!

– Я это запомню, – шуточно кивнул Егор.

Унтерштурмфюрер пожал Егору руку, повернулся и заспешил в корпус «бегляйтком-мандо».

Когда полчаса спустя Волчок вошел в «каминную гостиную», неся в руке запломбированный конверт с донесением, Гитлер и его гости уже обедали. Фюрер сидел во главе стола, по правую руку от него расположился Геринг, по левую – рейхсфюрер СС Гиммлер, чьи круглые очки поблескивали мертвенным светом. За Герингом сидел недавно назначенный рейхсминистр вооружений и военной промышленности Альберт Шпеер, человек худощавый, сосредоточенный, с красивым породистым лицом.

Егор щелкнул каблуками и вскинул руку в приветственном жесте, но Гитлер махнул рукой и сказал:

– Давайте без церемоний.

Выглядел фюрер и впрямь довольным, чего нельзя было сказать о его гостях. Геринг и Шпеер напряженно молчали, а Гиммлер, кроме того, еще и обиженно шмыгал носом. Очевидно, между «старыми боевыми друзьями» произошел спор, и, судя по тому, что фюрер светился довольством, он вышел из словесной перепалки победителем. (Впрочем, могло ли быть иначе?)

Взяв у Егора пакет, Гитлер сделал ему знак подождать, открыл пакет, вынул донесение и пробежал по нему взглядом. Потом снова вложил листок в конверт и положил его на стол, рядом с собой. Лицо Гитлера осталось довольным, из чего Егор сделал вывод, что принес фюреру хорошие вести.

– Гауптштурмфюрер Грофт, не хотите к нам присоединиться? – предложил вдруг фюрер, искоса поглядывая на Гиммлера. Тот заерзал на стуле, холодно поблескивая очками, и слегка побагровел.

– Мой фюрер, я не голоден, – вежливо сказал Волчок.

– Вздор. Садитесь за стол. Как видите, у нас тут все по-простому.

Егор поблагодарил и, ничем не выражая своего удивления, сел на свободный стул.

– Дайте ему жареного картофеля, – приказал Гитлер прислуге.

Не прошло и минуты, как перед Егором появилось большое блюдо с жареной картошкой, салатом и зеленью.

– Если хотите, возьмите рыбы или мяса, – предложил Гитлер.

Егор вежливо отказался, зная, что фюрер вегетарианец.

– Генрих, ты, кажется, обожаешь мясо, – обратился тогда фюрер к Гиммлеру.

– Не думаю, что слово «обожание» подходит, Адольф, – ответил тот деревянным голосом. – Но я ем мясо, это верно.

– Ты, кажется, гордишься этим?

– Вовсе нет.

– А я уловил в твоем голосе нотки превосходства, – настаивал Гитлер. – Как будто есть трупы и прихлебывать из тарелки трупный чай – это огромное достоинство!

Гиммлер натянуто улыбнулся и сказал:

– Адольф, напрасно ты называешь мясной бульон «трупным чаем». Врачи говорят, что он очень полезен для здоровья. Особенно это относится к тем, у кого больной желудок. А у меня, как ты знаешь, часто случается несварение.

– Не знал, что вываренная кровь мертвецов может быть лекарством. Но если ты настаиваешь...

Тут фюрер увидел, что Геринг накладывает себе в тарелку угрей, и переключился на него:

– Не стесняйся, мой славный Герман. Накладывай побольше. В конце концов, рыба – это не мясо.

– Рад, что ты так думаешь, – улыбнулся дородный, неунывающий рейхсмаршал.

Гитлер чуть прищурил глаза и язвительно добавил:

– Побольше, друг мой, побольше. Кстати, мой славный Герман, ты знаешь, что когда ловят угрей, то в качестве приманки используютдохлых кошек?

По лицу Геринга пробежала тень, и он, досадливо дернув щекой, отложил вилку.

– Что случилось? – вскинул брови фюрер. – Угри уже не кажутся тебе хорошей пищей?

– Просто расхотелось, – сказал Геринг.

– Ну, тогда угощайся раками. Сегодня у нас отличные раки.

– Благодарю, Адольф.

– Не стоит благодарности, ты ведь мой гость, а мы, немцы, славимся радушием. Ты знаешь, Герман, когда я был ребенком, по соседству от нас жил лавочник Бруно Бергер, и у него были сыновья-близнецы. Мальчишкам было лет по одиннадцать. Однажды, придя домой из

школы, они обнаружили, что их старая няня умерла. Мальчишки сильно расстроились, но, будучи предприимчивыми малыми, они решили, что няня, которая при жизни обожала близнецов, была бы рада принести им пользу и после своей смерти. Они загрузили тело старухи на тележку и отвезли его к реке.

Гитлер, внимательно глядя на рейхсмаршала Геринга, добродушно улыбнулся и договорил:

– Не буду утомлять тебя подробностями, Герман, но в тот день близнецы Бергеры наложили три ведра великолепных, упитанных раков.

– Забавная история, – сказал Гиммлер, насмешливо поглядывая на сконфуженного толстяка рейхсмаршала сквозь стеклышки очков.

Гитлер явно был в ударе и продолжал разглагольствовать, вскоре от «гастрономии» разговор непостижимым образом перешел на тему веры в Бога. Впрочем, Егор уже знал, что такие неожиданные повороты мысли – вполне в духе фюрера.

– Каждый человек имеет духовные потребности, – вещал он, пережевывая картофель. – Я презираю лицемерных и материалистичных клерикалов. Но стандарты и теологические догматы необходимы. Без них великое учреждение христианской церкви давно бы разрушилось.

– Значит, ты можешь назвать себя верующим человеком, Адольф? – вежливо произнес Гиммлер.

Гитлер поднял вилку и глубокомысленно изрек:

– Моя вера превышает любых формулировок и случайных обстоятельств, Генрих. Бог для меня – основа всего, пастырь всех вещей, моей собственной судьбы и судеб всех остальных людей.

– Но разве бог поощряет войны? – подал голос министр Шпеер. – Ведь война несет смерть миллионам людей.

Все трое нацистов повернули головы и уставились на него.

– В смерти нет ничего страшного, Альберт, – снисходительно произнес фюрер. – По крайней мере, для искренне верующего христианина, ведущего праведный образ жизни.

– А для неправедных? – уточнил благородный Шпеер.

– Их тем более жалеть не стоит. В конечном итоге каждый получает свое. А значит, война – величайшее благо. Она – как живая кровь. Вы ведь не станете оспаривать освежающее действие войны для целых народов и каждого конкретного человека?

Пока Егор думал, что можно было бы на это ответить, заговорил Геринг:

– Я не имею ничего против стремительных войн, – сказал толстяк. – Но некоторые войны так растягиваются, что становятся утомительны. И не только для конкретных людей, но и для целых наций.

– Ты про нынешнюю войну с Советской Россией? – уточнил Гитлер.

Геринг кивнул. Тогда фюрер прищурил посветлевшие глаза и сказал:

– Война скоро закончится. Мы разобьем русских на всех фронтах. Но самое сложное – организовать жизнь после войны. Правильней всего было бы после победы над Россией доверить, разумеется под германским верховенством, управление страной Сталину. Он лучше кого бы то ни было знает, как надо обращаться с этими русскими.

– Сталин сумел организовать всю эту огромную, необразованную, туповатую массу и заставит ее двигаться в нужном направлении, – подтвердил, уминая мясо, Гиммлер.

– Сталин заслуживает похвалы, – согласился Гитлер. – Ни бездарному, спившемуся демагогу Черчиллю, ни сифилитическому паралитику Рузвельту я бы роль своего заместителя в побежденной стране не доверил.

– Но Сталин не уважает свой народ, – неуверенно проговорил министр Шпеер. – Возьмите хотя бы «чистку», которую он провел в генеральном штабе Красной Армии.

– В расстреле Тухачевского и других генералов я вижу проявление сталинского ума и проницательности, – холодно отчеканил Гитлер. – Я уже не говорю о его неприязни к евреям. Сталин знает, что делает, в отличие от этих идиотов Черчилля и Рузвельта.

– Значит, Сталин – великий правитель? – весело спросил толстяк Геринг.

– Безусловно, – ответил фюрер, глотнув воды. – У него есть для этого все качества. И главное из этих качеств – отсутствие «категорического императива» и всяких нравственных тормозов, придуманных философами и клерикалами. Неприятие всего этого – главное качество гениальной натуры.

– Русские никогда не полюбят немцев, – заметил, нанизывая на вилку очередной кусок мяса, рейхсфюрер СС Гиммлер. – И потом, Адольф, как ты собираешься прививать им чувство долга, когда мы их завоюем?

Фюрер сдвинул брови и назидательно проговорил:

– Немец повсюду в мире возбуждал к себе ненависть, так как, где бы он ни появлялся, везде начинал всех поучать. Но народам это не приносило ни малейшей пользы, ибо ценности, которые он пытался им привить, не являлись таковыми в их глазах. В России отсутствует категория долга в нашем понимании. Зачем же нам воспитывать это чувство в русских?

– Однако нам в любом случае придется выработать программу управления русским стадом, – снова возразил Гиммлер.

– Эта программа уже есть, – заявил Гитлер. – Нужно лишь оформить ее на бумаге, но эта задача не из самых сложных.

– Адольф, может быть, ты изложишь нам эту программу вкратце? – попросил, ловко разделявая омаров, Геринг.

– Пожалуйста. Большую часть населения России составляют крестьяне. А к тому времени, когда мы завоюем эту дикую страну, городов там не останется вовсе, поскольку мы сотрем их с лица земли. Теперь о крестьянах. При заселении русского пространства мы должны обеспечить «имперских крестьян» необычайно роскошным жильем. Германские учреждения должны размещаться в великолепных зданиях – губернаторских дворцах. Вокруг новых городов, в радиусе тридцати-сорока километров, раскинутся поражающие своей красотой немецкие деревни, соединенные самыми лучшими дорогами.

Геринг, Гиммлер и Шпеер слушали фюрера внимательно, то и дело одобрительно кивая головами и даже отставив на время тарелки с мясом, картошкой и раками.

– Возникнет другой мир, – продолжал вдохновенно вещать Гитлер, – в котором русским будет позволено жить, как им угодно. Но при одном условии: господами будем мы. В случае мятежа нам достаточно будет сбросить пару бомб на их деревни и поселки, и дело сделано. А раз в год мы будем проводить группу русских по столице рейха, чтобы они прониклись сознанием мощи и величия ее архитектурных памятников.

– Англичане знают толк в колонизации, – сказал вдруг Гиммлер, и, как выяснилось, невпопад, поскольку фюрер сверкнул на него глазами и недовольно проговорил:

– Колонии – весьма сомнительное приобретение. Впрочем, восточные пространства станут для нас тем, чем была для Англии Индия, – неожиданно согласился фюрер. И добавил с горечью: – Если бы я мог втолковать немецкому народу, как важны они для будущего!

Несколько секунд все молчали, словно пораженные великолепной картиной грядущего, описанной Гитлером. Первым молчание прервал сам фюрер. Повернувшись к Егору, он сухо произнес:

– Кстати, вы можете идти, гауптштурмфюрер. Если, конечно, вы насытились.

Егор послушно встал из-за стола и, попрощавшись по всем правилам нацистского этикета, покинул гостиную.

7

За время пребывания на территории ставки «Вервольф» Егор успел осмотреть практически все помещения. Одно из них, именуемое «Третий блок Икс», заинтересовало его больше других – главным образом из-за того, что дальше небольшого вестибюля, стены которого были выложены белой плиткой, как в общественной бане, Егора не пустили парни из СД.

Егор попытался расспросить про «Третий блок» своих коллег-охранников, однако те на все вопросы отвечали уклончиво, в один голос утверждая, что это «обычная медицинская лаборатория». Командир Геше назвал ее еще пренебрежительней – «подсобка доктора Мореля».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.